

ИРА БРИЛЁВА

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
БИЗНЕСМЕНА

Ира Брилёва

Приключения бизнесмена

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6713974

Аннотация

«– Дашка!

На часах – одиннадцать утра, в доме бардак, какой даже хану Мамаю не снился: банки из-под пива – несбыточная мечта советского коллекционера – изящными кучками валяются в самых неожиданных местах, на бильярдном столе вместо шаров – апельсины, все в дырках от кия – это ж сколько выпить надо!!!

Гирлянда пустых бутылок, перевязанных цветным скотчем, украшает пальму в углу гостиной. Комнату обставлял дизайнер «с самого городу Парыжу», но до таких «изысков» интерьера даже его творческой мысли было не дотянуться...»

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	20
Глава 3	29
Глава 4	36
Глава 5	48
Глава 6	56
Глава 7	63
Глава 8	73
Глава 9	81
Глава 10	97
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Ира Брилёва

Приключения бизнесмена

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Часть первая

Олигарх без определенного места жительства

Глава 1

– Дашка!

На часах – одиннадцать утра, в доме бардак, какой даже хану Мамаю не снился: банки из-под пива – несбыточная мечта советского коллекционера – изящными кучками валяются в самых неожиданных местах, на бильярдном столе вместо шаров – апельсины, все в дырках от кия – это ж сколько выпить надо!!!

Гирлянда пустых бутылок, перевязанных цветным скотчем, украшает пальму в углу гостиной. Комнату обставлял дизайнер «с самого городу Парыжу», но до таких «изысков» интерьера даже его творческой мысли было не дотянуться.

Кто-то майонезом, выдавленным из тубика, написал на зеркале в спальне: «Я люблю Люсю». Светлый образ Люси в памяти не всплывал. Во, погуляли!

Серёня медленно раскрыл глаза, осмотрелся вокруг одними зрачками – больше ничего не двигалось. Почти минута ушла на то, чтобы лицо стало подчиняться привычной с дет-

ства мимике. Мысли еще не выстроились дружными рядами, но уже и не распадались на отдельные буквы. Организм выдыхал остатки вчерашнего банкета.

День начинался тяжело.

– Дашка, стерва! Где тебя носит? – Серёня понял, что голос принадлежит ему, и поморщился. «Чего это я так визжу?» – медленно удивился он.

Домработница Даша – мечта любого бизнесмена, потому что родом из деревни. Не из нынешней, компьютерной и танцпольной, а той ещё, кондовой, с гармошками и танцами у костра, с чечёточкой, так, чтобы пыль взвилась от босых пяток. О каблуках в той берендеевской глухомани никто и не мечтал.

Да-а! Завалилась ещё пара таких деревенок в России, только названий их никто не знает. Девахи из них нет-нет, да и заедут в первопрестольную в поисках работы. Кому повезет, те в горничные нанимаются, в домработницы. Зарплата приличная, крыша над головой и питание – прилагаются.

Дашка была из таких, кондово-деревенских: симпатичная, румяная, не худышка, но и не толстуха, какой со временем обязательно становится любая из них, незнакомых с диетами и новомодными таблетками для похудения. И, пока еще время не потрудилось над её замечательной здоровенькой фигуркой, она приятно радовала глаз гармоничными округлостями в нужных местах.

Подождав несколько минут, Серёня понял, что его глас

вопиющего в пустыне никому не интересен, даже высокооплачиваемой домработнице. Выматерившись для приличия, он сполз с кровати на пол и попытался встать. Попытка удалась ровно наполовину. Серёня освоил четвереньки и довольно резво двинулся к ванной.

Преодолев барьер в виде высокого бортика джакузи, он минут сорок наслаждался водяным массажем, медленно возвращавшим жизнь в Серёнино почти умершее тело. Вода весело щекотала пятки, струйки воздуха вперемешку со струйками воды били по спине, ласкали кожу, приводя в порядок измученную удовольствиями плоть.

Он вспомнил, что вчера был его день рождения и вздохнул: «Вот и еще годочек накинул. М-да, бежит времечко».

В свои тридцать три он достиг многого. По меркам среднесовкового человека – практически всего. Посудите сами: домина в три этажа в престижном Подмосковье, серебристый «пузатый» друг – «авто» последней модели, денег – не сосчитать, да и незачем их считать – Серёня на досуге листал всякую эзотерическую дребедень – его счета жизнь оплачивала во всех смыслах.

«Вот и ладненько, – думал он, нежась в теплых струях воды. – А все почему? Потому что парень я неплохой, оттого и бизнес удачный».

От этой мысли Серене стало легко и приятно на душе. Свой бизнес он любил. Он считал себя талантливым человеком, ну и, конечно, везение – тоже вещь не последняя.

Дела у Серёни шли преотлично. Ещё лет десять назад, когда грянули всякие «перемены-перестройки», и бизнес в России лежал в мокрых пеленках, ему повезло, как везет только однажды и далеко не всем. Времена тогда наступили тяжелые, – а разве они бывают в России другими, – привычный уклад бытия рушился, и будущее было в непроглядном мраке и безысходности.

Серёня прозябал обычным МНСом в одном из полудохлых столичных НИИ, когда жизнь неожиданно свела его с бывшим однокашником по институту, Генкой Малевичем, человеком оборотистым, и, как говорят, с «бизнес-нюхом».

Генка еще в институте слыл ловеласом и пронырой. Но все это – в хорошем смысле. Да, он любил женщин. А кто не грешен? Но Генка относился к ним с каким-то особым трепетом, никогда не обижал и страшно любил делать им подарки. Женщины в ответ платили ему той же монетой, и даже расставаясь с очередной пассией, Генке каким-то чудесным образом всегда удавалось остаться с ней в приятельских отношениях.

Что касается его «пронырства», то как еще прикажете называть его неиссякаемую способность делать деньги из всего, к чему он прикасался? А его образ жизни требовал солидных капиталовложений – одни подарки дамам чего стоили!

На закате эпохи развитого социализма любого человека, у которого были хоть какие-то способности к бизнесу, назы-

вали противным словом «спекулянт». А незадолго до этих времен даже сажали за эти способности. Далеко и надолго.

Но, к счастью или к несчастью, – пока история в выборе своего мнения колеблется, «то время» ушло безвозвратно, а в изменившейся экономической ситуации Генкино «пронырство» сослужило ему весьма полезную службу. Он быстро сообразил, что социалистическое прошлое безвозвратно кануло в Лету, а маячащий на пороге капитализм диктует свои, пока еще мало кому понятные, правила. Генка огляделся вокруг и понял, что теперь никто не запрещает ему зарабатывать денег столько, сколько его душе угодно. Внимательно изучив вновь переписанные новой властью законы, он обнаружил, что государство разрешило теперь делать то, за что раньше бы просто расстреляли на месте, а именно – заниматься разработкой нефтяных скважин и всем, что с этим связано. Если вы, конечно, вообще что-то в этом понимаете. Само собой, с кучей оговорок и в обрамлении вагона бумажек, но суть от этого не менялась. А сутью здесь были деньги. Огромные! И Генка ринулся в самую гущу нового бизнеса.

Встреча с Генкой была для Серёни совершенно неожиданной и абсолютно незапланированной. Но она состоялась, и история Серёниной жизни сделала резкий поворот в самую наилучшую свою сторону.

Этот-то однокашник Генка и ввел Серёню в страшный, но страшно интересный мир бизнеса. Не то чтобы пожалел старого приятеля, нет, просто нужны были «свои», надежные

люди. Как в бизнесе без этого? А Серёня еще с институтской скамьи слыл «светлой головой» – у него весь курс конспекты списывал. Безвозмездно.

Вскоре они стали партнерами по бизнесу, и все шло замечательно целых четыре года. Но случай – вещь непредсказуемая.

Генка внезапно и тяжело заболел – не осилило Генкино здоровье бешеного ритма увлекательной, но жутко напряженной жизни начинающего русского Рокфеллера. Эти вечные перелеты-переезды, нервотрепка переговоров за круглыми и квадратными столами, бесконечные банкеты и обмывания сделок. Обычный русский бизнес. Деньги всегда требуют от человека всей его жизни, без остатка и до копейки! А уж здоровье они пьют из тебя словно вампирище-кровосос! У Генки не выдержал какой-то там совсем крошечный сосудик. Лопнул, гад!

Так сказали Серёне врачи. Или не совсем так, но суть от этого не менялась. Теперь Серёне пришлось вертеться одному. Генка, умница и балагур, лучший в мире партнер по самым важным Серёниним делам, и просто самый надежный и преданный из друзей, лежал в коме.

Серёня, как человек благодарный и порядочный, помогал ему, безучастно лежавшему среди трубок и проводов на больничной кровати, как мог – оплачивал частную клинику и честно ждал каких-то изменений.

Но изменения все не наступали, а время шло.

Через полгода стало ясно, что врачи пока бессильны, а прогнозы – увы – никто делать не брался. И Серёне пришлось смириться с тем, что он остался один. Он погоревал немного о почти утраченных надеждах, поставил в церкви «за здоровье раба божьего Геннадия» самую большую свечу, какую только нашел, и стал жить дальше.

Поначалу их с Генкой бизнес процветал. Но, видимо, и впрямь беда одна не ходит.

Как-то они с Генкой, по случаю, просто так прикупили акции одной безобидной нефтяной конторы. Причем Генка сначала сильно сомневался, нужна ли им эта «головная боль».

«Своих акций нашлепаем, пусть другие в нас вкладываются. А тут дяде денежку отдавать, – испытывая на прочность Серёнины нервы, все занудствовал и причитал Генка. Видимо, фамилия Малевич все же играла какую-то роль в его жизни. Но не слишком большую, ибо он тут же сам себя поправлял: – Оно, конечно, деньги небольшие, можно и рискнуть».

Они рискнули и выиграли. Хиленькая конторка через несколько лет из крошечной сибирской замухрышки вдруг превратилась в одного из громаднейших русских монстров.

Но Генка этого уже не мог осознать – в его теперешнем состоянии он был бесконечно далек от любого бизнеса. А вот Серёня порадовался этому факту и уверовал в свое собственное бизнес-предвидение.

Но, по-видимому, порадовался он рано. Как известно, большие деньги не остаются без внимания. Настал черед и для Серёни.

Пока рядом был Генка, Серёне не приходилось заниматься этой частью их бизнеса. Он был чистым «технарем». Генка же, со свойственной ему изворотливостью, вел бесконечные переговоры со всякого рода «наезжалыщниками» – «разборки» в бизнесе – дело привычное.

Теперь же Серёне пришлось пережить пару очень неприятных лет. На него по-очереди «накатывали» то бандиты, то власти. Он честно отбивался от всех напастей, выкручивался, как мог, сутками пропадал на работе, заезжая домой раз или два в неделю, чтобы, как есть, не снимая ботинок и галстука, рухнуть в постель и забыться на несколько часов. Он спал как старая собака, часто просыпаясь и вздрагивая от любого шороха. Сон, глубокий благословенный сон, был теперь для него недостижимой удачей.

Такая жизнь пахла нервным истощением и страшными неизлечимыми болячками. Но Серёне повезло – он чудесным образом остался цел и невредим. Во всех смыслах.

Наверное, хорошим людям действительно везет. А Серёня всегда был хорошим парнем. Весь этот бизнес как-то не проник внутрь него, не изгадил и не отравил его душу. А ведь это сложная, часто даже невыполнимая задача для большинства из нас. Но все бывает. Даже такое.

Серёня часто вспоминал своего бедолагу-партнера Генку

– вот бы сейчас его «нюх» и деловую хватку! Вдвоем бы им было намного легче.

Но везение – дело далеко в нашей жизни не последнее. И Серёне снова крупно повезло. Все попытки прибрать к рукам его и Генкин кровный бизнес закончились для недругов неудачей. Серёня вышел из этой мутной воды не то чтобы сухим – с частью бизнеса все же пришлось расстаться, но львиную долю своих владений ему удалось сохранить.

Потом Серёне снова повезло. Пара-тройка удачных спекуляций на бирже – и ты из средней руки бизнесмена становишься весьма состоятельным человеком. В бизнесе так бывает – если уж пошла «пруха», то надо крепко держать удачу за хвост.

Но Серёня в случайную удачу не верил. А верил он в разумность и порядок в жизни, и количество удач на один квадратный метр своей жизни он посчитал вполне достаточным.

Поэтому он решил, что с него довольно всех этих удивительных жизненных коллизий, рискованными операциями больше заниматься не стал, а просто зажил спокойной и размеренной жизнью – «работа – дом, дом – работа». Как и положено человеку, который знает настоящую цену Удаче и понапрасну не тревожит дурацкими просьбами Его Величество Случай.

Бизнес свой он наладил как хороший часовой механизм. Серёня был вполне русским человеком, но обладал некоторыми качествами, более подходящим, скажем, немцу – пе-

дантичностью и аккуратностью в делах. А еще он умел держать данное кому-либо слово. Это тоже было редкостью во все времена. Особенно в деловом мире.

Бизнес у Серёни катился своим чередом, но полученные от удачных биржевых спекуляций денежки – Сереня называл их «пенсионным фондом» – он разместил в одном приличном банке – в то славное время это было модным среди самых непредсказуемых слоев общества. Банк этот гарантировал всем вкладчикам приличный процент и защиту от инфляции. А ещё он, этот банк, особым образом гарантировал это лично Серёне, так как директор, а по совместительству и хозяин банка, вчерашним вечером вместе с остальными гостями весело отмечал Серёнин день рождения, доставив этим немало удовольствия хозяину-имениннику.

Банкира увезли под утро, так же как и большинство гостей, «в стельку». Когда их грузили в машины, нестройным хором, но очень громко, все горланили: «Ой, мороз, мороз», по-принципу «кто кого переорет». Победила, как всегда, дружба. Продолжая что-то невнятно напевать себе под нос, гости понемногу отключались в своих «Бентли» и «Лендровегах». Они улыбались во сне безмятежными, тысячедолларовыми улыбками, утыкаясь лицами в нежные руки массивных бритоголовых охранников, баюкавших своих хозяев словно неразумных, но любимых детей. Праздник можно было считать законченным. И, конечно, удавшимся на все сто. Или на все двести – смотря, сколько потратить.

Что поделаешь, у русского человека свое представление о праздниках, недоступное больше ни одному народу в мире. Но, видимо, в этом и состоит особый шик, доступный только русскому уму. Или русской душе. На выбор. Обычно это называют странным словом «менталитет». Может быть, может быть.

Серёню грела мысль, что он сам теперь – крутизна невероятная, и друзья все подстать ему.

На этой высокой ноте экс-именинник решил вылезти из джакузи и наконец наведаться в свой московский офис. Он давно понял, что контору надолго без хозяйского глаза оставлять нельзя – даже самые трудолюбивые вдруг расслабляются и работают так себе, вполноги. Сразу возникает ощущение, что одно ворье вокруг и лентяи.

Вытираясь махровым полотенцем, источавшим тонкий запах восточных пряностей – этот «запах» ему привезли из Египта в специальном флакончике коллеги по бизнесу – Серёня с наслаждением втягивал носом любимый аромат. Сочетание водных процедур и чудного аромата привело Серёню в преотличнейшее настроение.

Покончив с утренним туалетом, он облачился в мягкий шелковый халат и босиком пошлепал в сторону кухни. На полпути Серёнин нос учуял влывший из кухни в коридор соблазнительный запах жареного мяса, и он наконец понял, почему на его истошный зов не являлась противная Дашка. Она жарила мясо на кухне, а это было довольно далеко от

спальни – раз, и два – это то, что, когда жарить мясо, то вообще ни хрена не слышишь – так громко оно шкворчит на сковороде.

Серёня, от природы человек благодушный и уравновешенный, рассудил, что Дашка ни при чем, и смысла орать на неё нет никакого. Не то чтобы он вообще любил поорать. Нет! Иногда только, когда дела на работе шли не так, как бы ему хотелось, он приходил домой и срывал свое зло на домработнице – больше ведь все равно никого не было – жена сбежала от него через полгода после свадьбы. Поэтому эксперименты с женитьбой Серёня решил не повторять, а обзавелся домработницей, на которую при случае и прикрикнуть можно без последствий – дал «стошку» зелененькую, а можно и духами ограничиться – делов-то!

Серёня вошел в кухню и Даша, заметив его, весело защепетала.

– Ой, Сергей Николаич, вы сегодня так припозднились. А я все думаю – будить, не будить, и решила – пусть поспит человек. Вчера такой день тяжелый выдался, просто спасу нет. Гостей навалило! Я думала, и продуктов не хватит. Хотела уже Кольку-садовника в город за едой погнать. Но обошлось. Все напились быстро, да про еду-то и забыли. Так что вам экономия большая вышла. Вот, мяско осталось, на целый полк хватит, салатов три таза, и так, по-мелочи – икорка, кальмарики. Креветочек, правда, не очень много. Вы уж не обессудьте, я их поела, люблю я червячков этих. – Дашка

заискивающе посмотрела на Серёню, подождала ответа, не дождавшись, вздохнула и отвернулась к плите. На сковороде румянилось мясо, выстреливая в потолок масляными брызгами. Серёня улыбнулся Дашкиной спине.

– Ладно. Слопала, и ладно, – миролюбиво протянул Сереня.

– Правда? Вы на меня обижаться не будете? – радостно взвизгнула Дашка.

– А за что мне на тебя обижаться? За дребедень эту? Ну ты даешь, мадам! Плюнь, и забудь. Лучше давай чего-нибудь пожуём, а то я с этими гостями скоро язву в желудке наживу.

Дашка бегом накрыла на стол: салфеточки, приборы, тарелочки – всё по высшему разряду, это она умела. Мясо перекочевало со сковороды на тарелку, его быстро окружили салатные кучки, и Сереня, обнюхивая еду, понял, что голоден невероятно. Еда была добротная и вкусная, Дашка – мастерица на все руки. У неё получалось всё: хочешь пирожков – пожалуйста, хочешь чего-нибудь из китайской кухни – только рецептик притащи. Дашка разберется, все по полочкам разложит, на рынке разыщет и сварит-поджарит в лучшем виде.

Через пятнадцать минут Серёня слегка обалдел от сытной еды, хотя и был сторонником здорового образа жизни. Но после обильных банкетов – он знал по собственному опыту – апельсиновый сок с утра – отравя: так желудок скрутит от кислятины – не разогнешься. Дашкино мясо с салатика-

ми на завтрак в такой ситуации и было самой здоровой диетой. Организм медленно расставался с излишками алкоголя и неотвратимо здоровел к обеду.

После завтрака Серёня обошел свои владения. Увидев, что урон гостями нанесен совсем незначительный – так, ерунда, три вазочки в танце попками задела, полдюжины фужеров, и по-мелочи – горшок с цветами в бассейн скинули, диванчик вином залили. В общем, Дашка все почистит – даже химчистка не пригодится. Обойдемся своими силами.

Взглянув на часы, Серёня обнаружил, что полдень уже давно миновал, и заторопился. Рубашечка новенькая, костюмчик «от кутюр» – а как же! СТАТУС! – туфельки – крокодил только-только пищал. И весь остальной антураж в том же духе.

Колеса серебристого «авто» завертелись в такт его обычному жизненному ритму, возвращая Серёню в подлую обыденность, реальную до одури жизнь. «Пузатый друг» шелестел шинами в сторону Москвы, а его хозяин размышлял о том, как переменчива жизнь. Он по этой самой жизни был немного философом. «Вот, – думал Сереня, – только что буквально я валялся в джакузи и ловил кайф, а сейчас несусь на всех парах по делам. А каким делам? Что они там, без меня, что ли, не справятся? Нужен я им в офисе, как... А может, и нужен. Вдруг что-нибудь произойдет, а меня нет на месте? Хотя, что может произойти у богатого человека? Конечно, ничего нового. Деньги, акции, акции, деньги... Инте-

ресно, а если бы что-нибудь случилось, что бы тогда было? А что бы такое могло случиться? Да, мало ли, например, денежная реформа. Хотя, нет, она уже была. И чего они добились? У кого были «бабки», тот и так выкрутился, а у кого не было – нафига им реформа? Нет, например, обвал на бирже, ужас, состояния рушатся, народ мечется, все с ума сходят. – Серёня представил своих, всегда респектабельных, коллег с выпученными глазами и расхохотался. – Нет, они все серьезные ребята, им ничего не страшно. Всегда выкрутятся, и я – такой».

Последняя мысль доставила ему особенное удовольствие. Тем временем колеса накручивали асфальтированные километры, неумолимо приближая начало Серёниного рабочего дня.

Глава 2

Офис встретил его настороженным молчанием. Секретарша что-то печатала, уткнувшись носом в клавиатуру компьютера. Серёня прошел в кабинет, кинул на кресло свой кейс и, присев на краешек стола, набрал на коммутаторе номер секретарши.

– Заинька, сваргань мне кофейку – ласково произнес он в молчавшую трубку. Через пару минут суетливое цоканье секретаршиных каблучков известило Серёню об окончании варки кофе. Ещё через мгновение двери распахнулись и «заинька» чуть ли не галопом внесла подносик с чашечкой и кофейничком. Беззвучно примостив все это на столе, она вознамерилась ретироваться. Но шеф оказался проворнее. Он поймал её за рукав пиджачка и, развернув к себе, спросил:

– А где радость в глазах по поводу моего появления? И вообще, что тут у вас происходит? А ну-ка, давай, колись.

Секретарша побелела от страха так, словно бы перед ней стоял не любимый шеф, а космическое чудовище о семи головах. Это обстоятельство вдруг почему-то встревожило Серёню. Его благостное настроение испарилось, как утро, и он уже серьезно задал вопрос:

– Марина, что происходит? Шефа не было на работе пару дней, а здесь уже не хотят с ним разговаривать. Тебе что, кто-то зарплату вдвое больше пообещал? – Марина молча

высвободила рукав пиджачка и вдруг расплакалась. Серёня встревожился не на шутку.

Марина была хорошей секретаршей, в меру умной и красивой. И вообще, ему всегда везло с персоналом. Он их не обижал, а они на него не стучали «коллегам» по бизнесу.

Марина сквозь слезы пыталась что-то то ли рассказать, то ли объяснить, но у неё ничего не получалось, и от этого она ещё больше расстраивалась. Серёня усадил её в свое директорское кресло, сбегал за водой, и когда девушка немного пришла в себя, она поведала ему совсем небезыңтересные вещи. Оказывается, пока Серёня праздновал, к нему в контору наведалься незнакомый человек, назвавшийся налоговым инспектором.

Марина инспекторов не боялась. Ещё в секретарской школе её натаскивали на такие ситуации, и ей был не страшен никакой налоговый инспектор. Она прекрасно знала, что, кому и когда отвечать. От её убийственной вежливости не могли отвертеться ни «менты», ни всякие там проверяющие органы. Именно за это качество Марина и получала свою совсем не маленькую зарплату, да ещё регулярные довесочки в виде премий и подарков. Но этот мужик её насторожил, и она решила сама провести минисекретарское расследование. Спросив у посетителя документы, Марина осведомилась, по какому именно делу товарищ хочет видеть её шефа. Мужик был опытный и давал уклончивые ответы. Узнав, что шефа ему сегодня не видать, как своих ушей, он достал мобильник

и набрал какой-то номер. Пискнув, мобильник умер. Видимо, села батарейка. Мужик чертыхнулся, но звонок, вероятно, был важным, и мужик нехотя попросил у Марины разрешение сделать один звончок с её телефона. Гостеприимно улыбнувшись, она пододвинула к нему телефонный аппарат, стоявший на её секретарском столе и вежливо удалилась в кабинет шефа. Как только за ней закрылась дверь, Марина в два прыжка очутилась у Серёниного коммутатора и нажала кнопку.

– Нет его – Марина узнала голос «налогового» гостя.

– А когда будет? – Голос на другом конце провода был властным и нетерпеливым.

– Секретарша сказала завтра-послезавтра объявится. У него что-то вроде отгулов. Уик-энд.

– Да, незадача. А ты почему не проверил, на месте ли клиент или нет?

– Да, верный человек сказал, что он сегодня в офис заглянет обязательно. Именины у него, сотрудники поздравлять будут.

– Именины? – Голос на другом конце трубки повеселел. – Ишь, ты, какое редкое совпадение! Мог родиться и умереть в один день. Черт, время поджигает. Ну, ладно... Постой, побудь на связи. Мне звонят. – И в телефоне заиграла классическая музыка. Через полминуты из телефона радостно сообщили: – Страшно везучий у нас клиент. Я думаю, нам теперь вообще не стоит торопиться. Мне только что позвонил

Витёк – его вариант уже практически готов. Все отменяется. Возвращайся.

Когда до Марины дошел смысл услышанного, она похолодела и трясущимся пальцем нажала кнопку коммутатора. В кабинете наступила тишина. Несколько секунд девушка сидела в оцепенении. В дверь кабинета постучали, и в дверном проеме показалась голова незнакомого гостя.

– Девушка, – спросил он ласково, – так вашего шефа сегодня ждать или нет?

Марина замотала головой и промычала что-то вроде:

– Нет, шеф улетел на Марс. – Мужик постоял немного, пожал плечами и вышел, пробормотав на прощание:

– День раньше, день позже, какая разница. Все там будем. – Когда дверь за ним закрылась, у Марины в ушах ещё какое-то время вертелись слова, только что сказанные посетителем. Выскочив из кабинета, она чуть не сбила мужичка с ног в своем «предбаннике».

– Простите, где мы все будем?

– Где, где. В налоговой инспекции, где же ещё. – Мужик снова был непроницаемо-ласков. – До свиданья, девушка. Я найду на днях. – И ушел.

Серёню эта история озадачила. Нет, он не испугался. Он давно крутился в бизнесе и знал, что нравы здесь далеки от церковных. Но такая наглость – среди бела дня, к нему в офис, черт знает кто... Стоп! А почему черт знает кто? Ничего подобного.

Серёня быстро обследовал телефонную память и обнаружил незнакомый номерок. «Вот проклятые капиталисты, чтобы я без вас делал. Пристрелили бы к чертовой матери неизвестные грабители и всё. А так – дудки. Мы их сейчас вычислим, и они будут очень даже известные». Списав номерок на бумажку, Серёня решил порасспрашивать Марину на предмет личности «налогового» мужика. Марина описала его довольно точно: невысокий, брюнет, лет ему где-то около сорока, костюм приличный. Деталей было много, профессиональная секретарская память тренирована на клиента.

Выяснив, что человека Марина запомнила хорошо, Серёня наконец задал ей вопрос, который уже битый час крутился у него на языке:

– А теперь ответь мне, милая, за что я тебе такие грандиозные бабки плачу, а? Тут меня неизвестный бандит мог пристрелить за эти два дня в любой подворотне, а я об этом ничего не знаю. Ты почему мне об этом ничего не сообщила? Это как понимать?

Серёнины вопросы падали на девушку, как кирпичи. Наконец, немного успокоившись, он сел напротив неё и спросил:

– Марина, ты хоть сейчас осознала, что происходит?

Марина кивнула и ответила:

– Сергей Николаевич, я ещё тогда осознала, но я так испугалась, вы не представляете. Я вчера даже на работу боялась идти. Думаю, приду, а он – здесь. Или, ещё того хуже,

он вас уже убил. Что мне тогда делать?

Серёня даже расхохотался от такой дурацкой откровенности.

– Ну, Мариша, ты даешь стране угля. Конечно, если меня пришибут, то работу тебе придется искать новую. Ты не расстраивайся, пока я жив, мы тоже можем для тебя что-нибудь придумать.

Марина ошарашенно смотрела на Серёню, и от изумления её рот беззвучно открывался и закрывался. Наконец из её рта донесся первый звук.

– Сергей Николаевич, так вы, что, меня уволить хотите?

Сереня безнадежно покачал головой.

– Марина, лучше я тебя сейчас уволю, а то вдруг убивец вернется и пришьет меня. Тебя же по прокуратурам затаскают. Не жалеешь ты себя.

Губы у Марины снова искривились в готовности к очередным слезам. Но Сереня её опередил.

– Заревешь, уволю точно, – быстро рявкнул он. – Нечего мне здесь рабочую обстановку ломать. Ладно, живи пока, я добрый. Но я от тебя таких закидонов не ожидал. Испугалась она! Тоже мне, оправдание.

Марина уже не всхлипывала, и слезы на её глазах высохли сами собой. Видно, Серёнина угроза подействовала.

– Сергей Николаевич, а чего вам звонить-то было, вы же все равно пьяный были. Ведь день рождения. Вот если бы вы в офис приехали, тогда я бы сразу все рассказала. А так, чего

вас зря тревожить, все-таки праздник. Тут вас сотрудники поздравить хотели, вон, подарок у меня под столом лежит, но вы не приехали, потому что, как два дня назад праздновать начали, так и все. Даже на телефон не отвечали. Вот. – Марина выпалила все это одной тирадой и лишь теперь перевела дух. Потом тихо и, слегка смущаясь, она продолжила: – А оно и лучше вышло, что вы в офис не попали. Вас, конечно, сотрудники очень хотели поздравить. Но, видно, не судьба.

Сереня вдруг вспомнил, как Марина, передавая ему разговор неизвестного, обмолвилась о том, что информацию о шефе, то есть о нём, Серёне, неизвестный получал от верного человека.

– Послушай, Маринка, а как бы нам с тобой этого «верного сотрудничка» вычислить, а? Вот ведь гад, окопался прямо в конторе! Совсем у людей совести нет! – Разгладив на столе бумажку с телефонным номером, Серёня набрал по внутренней связи номер начальника внутренней безопасности. В трубке играла классическая музыка, и, пока он ждал соединения, ему в голову пришла мысль, от которой у него похолодело внутри. Наконец на другом конце провода знакомый голос произнес: «Слушаю вас». Серёня спросил начальника охраны о текущих делах, осведомился, все ли тихо и не было ли каких происшествий, не приходил ли кто с проверкой или что-либо в этом роде? Получив на все вопросы уверенное «нет», Серёня поблагодарил собеседника за службу и положил трубку. Марина смотрела на него во все глаза. Серёня

отер выступивший на лбу пот и сказал:

– Книжки надо читать, девушка. Лучше про Шерлока Холмса.

– А кто это? – наивно глядя на него, спросила Марина. Серёня только рукой махнул в её сторону и велел идти на место.

Когда дверь за секретаршей закрылась, он налил себе в чашку почти остывший кофе, поудобней уселся в кресле и стал размышлять. «Странно ведет себя товарищ начальник моей охраны. Чтобы он, да и не знал, что нас кое-кто посетил! Как говаривал Станиславский – не верю! Чертовщина какая-то. Похоже, накаркал я себе мороку. И чуть сам себя, дурак, не «спалил». Ведь в любом бездарном детективе написано – первое правило – не доверять сотрудникам. Хотя, с другой стороны, какого дьявола – я их сам на работу принял! Они же меня ещё и охранять должны. Стоп! А ничего они мне не должны! Это я им вечно должен – пятого и двадцатого. Нахлебники! Вот раньше была контора – ты, да я, да мы с тобой – и никто ничего не боялся. Эх, Генка, друг, как без тебя тоскливо! – Серёня вспомнил, как они с Генкой на заре российского капитализма вдвоем вели дела и никто им больше не был нужен, и тяжело вздохнул. – Теперь, вот, развелось охраняльщиков хренова туча, прирежут – никто и не заметит. Ищи-свищи – кто из них «засланный казачок»?»

Устав от этих мыслей, Серёня решил все же не расслабляться, и телефончик, опрометчиво оставленный ему непри-

ятелем, разоблачить.

Он на скорую руку просмотрел бумаги, скопившиеся за два дня на рабочем столе – дело прежде всего – и, не обнаружив ничего срочного, полистал записную книжку – звонок одному полезному знакомому, который знал все и про всех, потому что это было его работой, мог кое-что прояснить. Пользоваться рабочим телефоном в таких случаях детективные сериалы тоже не рекомендуют. Серёня позвонил с мобильного и договорился с приятелем о встрече в небольшом баре «Пирамида», в двух кварталах от офиса.

Глава 3

До встречи оставалось ещё немного времени. Серёня решил никого не посвящать в свои планы. Для конспирации он прошелся по отделам, с большой помпой устраивая разносы сотрудникам за нерадивое поведение и мнимые нарушения. Сотрудники ошарашенно глядели на шефа, теряя дар речи от такой наглости – офис трудился в поте лица, невзирая на двухдневное отсутствие патрона. Отнеся внеплановый разнос на счет праздничного перебора, персонал тихо приходил в себя и погружался в прерванные визитом шефа текущие расчеты. Серёня демонстративно побуянил в бухгалтерии и гараже, чем вогнал подчиненных в неминуемый часовой ступор и удалился в свой кабинет. Предупредив секретаршу, что его ни для кого нет, и закрыв дверь кабинета на ключ, он вышел в туалет, открыл окно и самым банально-детективным способом перекинул ноги через подоконник. Окно туалета выходило в незаметный уличный тупичок. Второй этаж был невысоким, и Серёня легко спустился на землю по заросшей плющом стене. «Меньше знают – лучше спят», – пробормотал он. Отряхнув пыль с костюма, и поправив галстук, Серёня бодро двинулся в сторону питейного заведения, где его, по всем расчетам, уже ожидали.

Заведение встретило Серёню противной ритмичной музыкой и, несмотря на обеденный час, было почти пустым.

Он с порога заметил своего знакомого, который профессионально примостился в самом дальнем и темном углу кафе. Поздоровавшись, Серёня не стал тянуть кота за хвост, а сразу приступил к делу. Объяснив задачу и определив ее цену, Серёня перевел дух и наконец решил, что порция «мартини» с легкой закуской не сможет повредить желудку перед обедом. Знакомый не был скромным человеком и, испросив для себя черной икорки, «фуа-гра» и пивка с креветками, после долгой паузы произнес:

– Ты знаешь, Серёня, я этот телефончик знаю безо всякого дополнительного пробивания. Не представляю, чем ты там хочешь с этим человечком заняться, но я тебе советую хорошенько подумать, прежде чем ты наберешь этот номерок. Последствия могут быть непредсказуемыми.

Серёня был так заинтригован сказанным, что продолжал машинально жевать уже проглоченную закуску.

– Слушай, дружище, не темни, скажи, кто это. Вот деньги. – Серёня положил на стол оговоренную сумму и прибавил к ней ещё несколько купюр.

– Ну хорошо. Ты сам нарываешься. – Знакомый наклонился к самому Серёнину уху и тихо прошептал имя. Внимательно выслушав все положенные комментарии, Серёня откинулся на спинку кресла и задумался. «Во, попал. С каких это пор такие дяди стали интересоваться бизнесменами. Вот если бы я за границу оружие продавал, тогда другое дело, а так, по их меркам – я же просто вошь. Что бы это значило?»

– Серёня терялся в догадках. Тем временем, его знакомый, доев креветок и щедро залив их пивком, вежливо откланялся.

– Лучше, если нас вообще вместе не увидят, – ласково сказал знакомый. – И, мой тебе совет, – забудь ты этот телефон.

Когда приятель удалился, Серёня решил, что просто так шляться по улицам ему сегодня не стоит. На всякий случай.

Заведение было небольшим и, в общем, не очень популярным. «Посижу-ка я пока тут: здесь и посетители меня дергать не будут, и телефонов практически нет». Не успел он об этом подумать, как оглушительно-весело встрепенулся его мобильник. Серёня привычным жестом потянулся за телефоном, но вдруг осекся, как от нехорошего предчувствия, немного помедлил, и, взяв телефон, взглянул на определитель номера. Интуиция его не подвела. На дисплее светился «тот самый» номер. Серёня похолодел, не решаясь нажать на кнопку ответа. Через секунду, поняв, что увертываться бесполезно – не ответишь сейчас – придется отвечать позже, всё равно достанут, – нажал кнопку и поднес телефон к уху.

– Ты, что, справки обо мне решил навести? Так вот он я, сам тебе звоню. Чего молчишь? Страшно? Не надо бояться. Жизнь полна случайностей. Она и сама – штука случайная.

– Ничего случайного не бывает. – Серёня и сам удивился своей наглости, когда осознал, что это его голос отвечает этому человеку, бесстыдно позвонившему ему на «мобилу»,

а днем раньше бесцеремонно вошедшему в его жизнь. Человеку, который непонятно почему пытался развернуть его, Серегины, оглобли в свою, ещё непонятную, колею. Осмелев, Серёня повторил:

– Уважаемый, ничего случайного не бывает. Чего вы хотите?

Голос в трубке стал другим: – А ты не трус. Это приятно. Не люблю трусов. Послушай, надо встретиться. У меня тут были некоторые планы насчет тебя, но планы имеют склонность меняться. Ты, наверное, везунчик, раз мои планы изменились. Я буду ждать тебя в своем кабинете через час. – Человек назвал адрес, который Серёня уже и без него вычислил. Серёня машинально продолжал держать около уха монотонно плачущую трубку, а мысли его были где-то далеко. «Черт побери, за что мне всё это, а? Жил, не тужил, и на тебе! Высоким персонам где-то дорогу перешел».

Немного придя в себя от такого непредсказуемого звоночка, Серёня заказал кофе. Времени ему отпустили ещё целый час жизни – а он не сомневался, что мнимый «налоговый инспектор», так жаждущий его крови, был послан именно звонившим ему только что человеком. Значит, этот час у него точно есть, и ему просто необходимо было всё как следует обдумать и хоть до чего-нибудь додуматься. Кофе был крепким и ароматным. Серёня стал размышлять. «Первое. Посетитель офиса действовал нагло и среди бела дня. Второе. Если учесть то обстоятельство, о котором товарищ только что

сообщил мне по телефону – планы его, видите ли, поменялись – можно предположить, что он сейчас просто мне наврал – верить этим ребятам нельзя ни при каких обстоятельствах. Хотя, черт их разберет, эти новые службы! У них и названия-то менялись уже десять раз. И вообще, они тоже сейчас все бизнесом занялись. Только бизнес у них специфический – все, чему их при «совке» обучили, они против нас же сейчас и используют. А ведь, теоретически все должно быть совсем даже наоборот. Но это только теоретически».

Серёня рассеянно отхлебнул кофе. Куда уж дальше! Появление в офисе посреди рабочего дня человека, наглостью и повадкой напоминавшего банального киллера, а особенно его «прокол» со звонком из офиса... «Стоп, стоп, вот здесь полный стоп. Нормальные киллеры не звонят с офисных телефонов. Ни при каких обстоятельствах. Это и котенку понятно. Пусть они «гражданскому за забором» расскажут, что они меня грохнуть хотели среди бела дня на глазах у изумленной публики. Нет, здесь что-то другое. Это просто показуха. Что же они от меня хотели? Скорее всего, поговорить на какую-нибудь занимательную тему. Вот и решили почву подготовить. Думали, сдрейфит Серёня и сломается. Хорошо, что дальше. А дальше, товарищ решает меня немного «продавить» – психологические этюды? Ну, ну. Что же ему от меня нужно? А что ему может быть нужно от успешного бизнесмена средней руки? Бабки? Вряд ли! В той сфере, где этот товарищ трудится, деньги крутятся бешеные и взятки –

немеренные! Шутка ли сказать – столько власти над людьми. Сплошные соблазны. Хорошо, если не деньги, то что у меня еще есть. Бизнес? Странно, контора у меня не сказать, чтобы «супер-пупер». Не бедствуем, конечно. Но больше-то с меня нечего взять. Черт побери! Похоже, так и есть – это что-то, связанное с моим бизнесом. А что там у нас происходит? Вроде ничего особо нового не происходит. А может, и не особо новое. Надо порыться в старых бумажках, может чего и нарою. Времени всего час. Отменяется».

В голове среди непривычного для Серёни хаоса никак не находилось какого-нибудь вразумительного объяснения происходящему. Серёня вдруг сам себя остановил.

«А чего я, собственно, спешу. Вот встретимся с товарищем, он мне сам все и расскажет. Судя по всему, убивать меня прямо сейчас он раздумал. А может быть, и не собирался – слишком много шума: секретарша его видела, а у нее память, как у фотоаппарата. Да и профессионалы по офисным телефонам с определителем номера никогда не звонят».

Мысли носились, как перепуганные цыплята, и Сереня тоскливо подумал: «Эх, товарищ, что-то не получается из тебя мистер Шерлок Холмс, ни черта понять не могу! Ладно, поживем – увидим».

Сделав над собой усилие и наконец успокоившись, Серёня посмотрел на часы, убедился, что ещё одна чашечка кофе аккуратно вписывается в его рабочий распорядок, и, уже безо всякой тревоги в сердце, насладился ароматным «эспрессо».

До встречи оставалось двадцать минут. Сереня набрал номер своей секретарши и невинным голосом сообщил, что сегодня в офисе он уже не появится, а его машину надо немедленно прислать к «кафешке» в двух кварталах от офиса. Секретарша Марина сначала что-то верещала в телефон про телекинез, но профессиональная жилка быстро одержала верх над женской логикой, и когда она рявкнула в трубку: «Будет сделано, шеф!», Серёня ещё раз порадовался за свои очень профессиональные кадры.

Глава 4

– Что же вы, молодой человек, справки о служивых людях наводите, наших сотрудников взятками компрометируете. Нехорошо.

Голос был как в телефонной трубке, только гораздо громче. Это было естественно. Владелец этого голоса сидел перед Серёней собственной персоной и выговаривал ему, как нашкодившему школьнику. Серёня поразился оперативности, с которой все его шаги были то ли предусмотрены, то ли предусмотрительно отслежены.

– Не беспокойтесь, Сергей Николаевич, своего человечка мы в обиду вам не дадим, и никому не дадим. Информацией он с кем надо делится, значит, такие люди нам нужны.

Серёня наконец смог сформировать мысль, которая последний час не давала ему покоя, но никак не хотела выполняться наружу и становиться полноценной и осознанной. «Господи, какой же неприкрытый цинизм! Вот тебе и власть предрешающие! Одна сволота. А чего это он мне все выкладывает? Тех, кто много знает, обычно убирают с глаз долой. Значит, они меня точно прикончить хотели. А за что?».

И снова господин напротив словно бы считал его мысли со лба:

– Вы, молодой человек, не переживайте, убивать вас я не буду. Обстоятельства изменились. Видите, как все быстро

меняется.

«Философ хренов», – зло подумал Сереня.

– А зачем же вы нас так не любите? – Серёне стало не по себе. Мужик снова словно прочитал его мысли. Серёня весь подобрался и решил не думать лишнего. Тем временем, хозяин кабинета развивал свою мысль:

– Знаете, убить человека не так-то просто. Это хлопотно очень. Обычно эта необходимость возникает в крайнем случае или когда уже совсем нет времени. В обычных обстоятельствах существует множество других способов избавиться от человека. Сначала можно человека напугать, знаете, потом с такими очень удобно говорить. Соглашаются на любое предложение. Да, убивать людей надо только в самом крайнем случае. – Последнюю фразу человек сказал так, словно говорил сам с собой, и никакого Серёни здесь не было. Словно бы он утвердился в этом мнении только что, или что-то позволило ему теперь думать именно так.

Серёня слушал очень внимательно. Он понял, что какие-то невидимые нити судьбы странным образом сплели жизнь этого совершенно незнакомого ему человека с его, Серёниной, жизнью. Но человек никуда не торопился, мирно философствовал в своем удобном кресле и никак не хотел называть ни причин, ни обстоятельств, связавших Серёню с ним.

– В вашем случае, молодой человек, другое. Вы случайный прохожий, мы о вашем существовании до недавнего

времени даже не подозревали. Но ведь когда-то все знакомые люди были абсолютно незнакомы, – человек захихикал. – Вас, вероятно, интересует, почему я решил с вами пооткровенничать? Как любой современный человек, вы знаете, что излишняя откровенность иногда приводит к необратимым последствиям. Лишние знания умному человеку ни к чему. Это правильно. Но я могу дать вам ответ. Если бы я вас боялся, я бы с вами не разговаривал. Это значит, что я вас не боюсь, и ваших лишних знаний тоже. Вас для меня нет, просто не существует. Не понимаете? Впрочем, это для меня тоже не важно. Учитывая моё положение, вас никто не станет слушать, даже если вы захотите рассказать все до последней буквы из того, что сейчас здесь услышите. Вас сочтут психом, а мы немедленно позаботимся, чтобы вы не мешали обществу жить спокойно. Для психов у нас есть очень комфортабельные заведения. Поверьте, я знаю, о чем говорю. Вы сейчас теряетесь в догадках, что же нам от вас нужно. Я скажу. Всё! Ваша жизнь, ваши деньги, ваше предприятие. Короче, абсолютно все. Вас интересует, что вы получите взамен. Тоже отвечу. Себя самого! Свою жизнь. Просто жизнь, голенькую, безо всяких прикрас, которые вы успели нажить за ваши тридцать три года. Как ни банально звучит, возраст Христа. Он в этом возрасте все потерял, но и все приобрел. Ваше согласие нам не нужно. Если вы будете не согласны, то нам все же придется отобрать у вас и вашу жизнь. Что, собственно, мы и намеревались сделать изначально, даже не

ставя вас в известность о своих планах. Но, я ещё раз повторюсь – жизнь идет, и обстоятельства меняются. Я решил, что вам все же небезынтересно будет узнать о моих мыслях относительно вашей дальнейшей судьбы. Считайте это моей прихотью. Ведь у вас вчера был день рождения? Пусть это будет моим подарком. Согласитесь, быть просто живым – это очень ценный подарок. Я отберу у вас все, оставив вам взамен только вашу жизнь, вашу физическую жизнь. И вашего согласия, повторяю, от вас не требуется.

Серёня наконец обрел дар речи и выдохнул:

– А почему я? – Голос его звучал, как задушенный крик из глубокого колодца, так, словно он три дня подряд орал в том колодце, перед тем, как зайти на чашечку чая в этот кабинет. Человек посмотрел на него сочувственно и произнес:

– Вашей вины в этом нет. Так распорядилась жизнь. Это всё, что я пока могу вам сообщить. И ещё. Мы не можем вам оставить даже ваше полное имя. Ваше место займет другой... м-м-м, персонаж. Кстати, с днем рождения! – Человек явно издевался и делал это с большим удовольствием.

– Как же так? Вы хотите мою жизнь отдать другому человеку? Кто он? Почему он, а не я? – Серёня чуть не плакал от бессилия и обиды.

– Простите, у меня больше нет времени. Я сделаю вам ещё один подарок. – Человек нажал кнопку на столе, дверь открылась и вошел шкафообразного вида дядечка. Он нёс в руке бланк паспорта. Положив его перед своим шефом, дя-

дечка так же молча удалился, как и вошел.

– Теперь это ваш новый паспорт.

– Как, мне и имя не оставят? – Серёня боялся, что нервы его не выдержат всего происходящего. Все случилось как в дурном фильме, но только выскочить из зала никак не удавалось, хотя и смотреть дальше было все страшней и страшней. Человек пододвинул к Серене пахнувший свежей краской документ.

– Имя мы вам оставляем. Изменена только фамилия. И, мой вам совет – не пытайтесь ничего поменять или вернуть. Если я узнаю об этом, вы просто исчезнете. Вот всё, что я хотел вам сегодня сообщить. А теперь прошу извинить, но у меня на вас больше нет времени. – Человек грузно поднялся из кресла и жестом предложил Серене покинуть помещение.

Сереню просто выбросили из его же собственной жизни. В этот кабинет вошел преуспевающий удачливый бизнесмен, а выходил человек без имени, без денег, положения в обществе, да ещё и следить будут в оба, чтобы назад, в ту, прошлую жизнь, не потянуло – это было яснее ясного.

Серёня вышел на улицу. Машины у подъезда не было. Он решил все же позвонить в офис Марине и потихоньку выяснить, что там сейчас происходит. На его звонок долго никто не отвечал, а потом трубку взяли, и незнакомый женский голос прошептал:

– Добрый день. Офис кампании «N». Вас слушают.

Это была не Марина. Марина исчезла вместе со своею фо-

тографической памятью. Его вдруг поразила одна мысль, и он дрожащими пальцами набрал номер своего домашнего телефона. Отдающий металлом голос телефонистки ответил, что такого номера не существует.

Серёня понял, что с этого момента какая-то незнакомая и недружественная ему сила выдернула его, Серёню, Сергея Николаевича, крутого парня из всех привычных мягких кресел и вышвырнула на улицу. Серёню взяло зло. «Ну ни фига себе! Это за что меня так, а?» Серёня от природы не был глупым человеком, но сейчас ему хотелось орать диким голосом и крушить все на своем пути в поисках справедливости. Как же так, он своим животом добился всего в своей жизни, и какой-то старый хрыч, пусть и при власти, пусть и с деньжищами, просто так взял и выкинул его, Серёню, на улицу в чем мать родила! В одном, только одном последнем дорогом костюме.

Серёня с грозным клетотом развернулся и пошел на дверь, из которой его только-что выставили. Неожиданно дверь раскрылась сама собой. Он влетел в вестибюль и растянулся на мраморном полу. Двое молодцов подхватили Серёню под локти и беспардонно потащили по коридору, открывая Серёниной головой все встречающиеся на пути двери. Наконец, его заволокли в какой-то небольшой кабинет и бросили на кожаный диванчик. Серёня вскочил и стал озираться по сторонам, ожидая очередного подвоха. Его радужное утреннее настроение было окончательно испорчено и про-

должало стремительно падать, безысходность ситуации доводила Серёню до иступления.

В кабинетик вошел шкафообразный гражданин, стремительно подошел к непрошенному гостю и, взяв его за загривок, немного потряс, то ли проверяя, не украл ли Серёня что-нибудь в этом кабинетике, то ли ещё для каких-то неизвестных Серёне целей. Так же бесцеремонно впихнув Серёню в стоявшее рядом кожаное кресло, гражданин произнес низким, грозным голосом:

– Тебе, что, непонятно объяснили. Выметайся отсюда и ищи себе новую жизнь. В офис не приходи. Домой не вздумай возвращаться. Там уже другие люди живут, нечего честных граждан тревожить...

– Честных граждан??? – Серёня взвился до потолка. – Это где честные граждане, в моем доме честные граждане? А как они туда попали, а?

– Это тебе теперь неважно. – «Шкаф» был непробиваемо бесстрастен. И вдруг Серёня заплакал. Слезы полились как в детстве, неудержимо и обильно. «Шкаф» заткнулся и обалдело глядел на Серёню, всхлипывающего и размазывающего по лицу сопلي вперемешку со слезами. «Шкаф» смягчился, и его голос зарокотал на тон потише.

– Ты не реви, это бесполезно.

– Ну как же так, живого человека, толкового, не бедного – и на улицу. Вы, что там, совсем с ума посходили? А я на выборах даже голосовать ходил, – вдруг привел совершенно

безумный аргумент Сереня.

«Шкаф» неожиданно расхохотался.

– Слушай, мужик, ты мне нравишься. И поэтому я дам тебе дельный совет. Не старайся теперь что-то изменить. Иначе шеф может и разозлиться. Ну, сам смотри, тебе же здесь прямая выгода. Так бы тебя шлепнули как муху, ну и лежал бы ты сейчас в дорожном гробу за 10 тыщ баксов, весь намаженный, красивый, и абсолютно мертвый. А так, хоть и с голым задом, но живой, голова на месте. А бизнес ты себе новый заработаешь. Ну? Что? Скажешь я не прав? То-то! – «Шкаф» довольно ухмыльнулся, наслаждаясь собственной логикой.

Серёня сидел совершенно опустошенный, и мозг его никак не мог принять мысль, что он теперь никто, и зовут его никак. Постепенно до него дошел смысл сказанного «шкафом». Серёня тупо уставился на его помягчевшую физиономию и, помедлив, спросил:

– Так, это что я теперь – бомж?

– Ну, я не знаю, что-то вроде, – «шкаф» поскреб пятерней затылок, и на его лице появилось озадаченное выражение, словно ему предложили решить уравнение из неизвестного ему курса математики.

– А где же я жить буду? Дома нет, денег нет. Я ведь даже деньги со своего счета снять не могу. У меня же теперь паспорт на другую фамилию. – «Шкаф» сочувственно кивнул. – Значит, мне все нужно начинать сначала?

«Шкаф» засопел и сказал:

– Шеф любит такие приколы. Хочешь, скажу, почему тебя не грохнули?

– Да уж, сделай милость, скажи. – К Серёне вернулась способность соображать, а вместе с ней и черный юмор.

– А шеф узнал, что тебе тридцать три года исполнилось, и решил, что пусть ты будешь, как Христос. Тоже все потеряешь, а если мозги есть, то снова все заработаешь.

– Это он мне и без тебя рассказал, – Серёня обреченно махнул рукой. – Вот спасибо твоему шефу за гуманность. Все спёр у бедного Серёни, а потом его ещё и канонизировал. С Иисусом Христом ровней сделал. Ну мужик дает! – Где-то в самой глубине его сущности грозно зашевелился страх, такой, каким родители пугают непослушных детей, страх, благоговейный и тягучий, в самом сердце. Это было то самое «нельзя», которое делает послушными даже самых отъявленных мерзавцев. Страх почти мистический, предупреждающий, что переступать некую черту не стоит ни при каких обстоятельствах. Но, по-видимому, у этих конкретных людей такого «нельзя» в жизни не было.

Серёне было нестерпимо обидно, что так обошлись именно с ним, умным и хорошим парнем, который в своей жизни обычно руководствовался исключительно здравым смыслом, и, по возможности, обыкновенной человеческой совестью.

Но некогда было сейчас думать про обиды. Пока «шкаф» размяк, надо было вытащить из него как можно больше по-

лезной информации.

– Слушай, а почему именно меня так круто выбрали? Что во мне такого особенного? – «Шкаф» замаялся, не желая нарушать чужую тайну, но сиюминутное расположение к Серене взяло верх над служебным долгом.

– Понимаешь, у нас одна операция сорвалась, и нам срочно потребовалась фирма, ну, как тебе объяснить. Типа, для прикрытия. Действующая, успешная, ну, вроде твоей. Там еще пара интересных обстоятельств, но я их тебе рассказать не могу. Так что, ты не обижайся, ничего личного. Так. Стечение обстоятельств.

То, что «шкаф» в принципе разговаривал с Сереней, могло означать только одно. Он, так же как и его шеф, абсолютно не боялся утечки информации. А это означало, что Серёня действительно стал «ником».

Ему стало еще обидней за себя, за то, что его, «светлую голову», так бездарно и безжалостно списали со счета.

– Нормально вы, ребята, устроились, это же покруче рейдерского захвата... – начал снова закипать Сереня.

– Переть против ветра я тебе не советую, – поспешно предупредил «шкаф», и в его голосе снова послышалась угроза.

– Нет, нет, не извольте беспокоиться, – съёрничал Серега. – Нафига мне мое бывшее имущество вместе с «бабками», я себе и новое заработаю. А это все пусть будет в пользу государства. Я как раз и сам собирался все ему отдать. Но позже, по завещанию, как настоящий меценат.

– Как кто? – «Шкаф» не любил незнакомых слов.

– Как меценат, – ехидно повторил Серега. – Ну, я все понял, теперь можно и откланяться.

– Вот и хорошо, вот и разумно, – засуетился «шкаф». – По земле все же лучше ходить, чем под землей. – Он сочувственно посмотрел на Серёню.

– Бывай, старина. Пользуйся моим добром на благо родины. Только родины ли? – Серёня выжидательно посмотрел на «шкафа». Но этот вопрос, с учетом ситуации, был чисто риторическим.

Серёня во второй раз за этот день покинул негостеприимный вестибюль, и яркое солнце ударило ему в глаза, напомнив об утренних игривых размышлениях по пути в офис.

– Превратности судьбы, – тихо пробормотал Серёня, досадуя на себя за недавнее мимолетное желание круто изменить свою жизнь. – Что-то я не вовремя об этом подумал, а оно взяло, и сработало. Дела-а!

Надо было как-то жить дальше, и Сереня решил, что без обеда, который он давно заслужил, жизни дальше сегодня не получится. Проверив бумажник на наличие наличных, он констатировал печальный факт их отсутствия. Жалкие остатки роскоши в виде завалывшихся в заначке пятисот долларов все же не испортили Серене настроение. «А и черт с ними. Действительно, голову-то они мне оставили. Подарили на день рождения! Вот спасибочки!»

С такими невеселыми мыслями Серёня пешком побрел в

знакомое заведение, где ещё так недавно наслаждался мартини и чудесной легкой закуской.

Глава 5

День стремительно клонился к закату. Серёня сидел на облюбованной им в скверике лавочке и глядел на речную гладь. Он и раньше любил посидеть около реки. Но только обстоятельств, которые привели его сегодня на эту лавочку, в его жизни ещё никогда не случалось. Невеселые мысли бродили в Серениной голове. Например, где же ему сегодня ночевать, если домой ему ехать запретили под страхом смертной казни, а к друзьям-партнерам, теперь уже бывшим, он не хотел ехать из гордости – вдруг какой-нибудь нехороший слух уже просочился среди его знакомых. Серёня ничего не знал наверняка, но предполагал самое неприятное для себя. А он был гордым. «Скажут, вот нищета за подаванием приползла», – горько думал он, и отчаяние закипало у него в венах от такой неприятной мысли.

Вечер накрывал полупрозрачной темнотой скверик и реку. «Надо что-то придумать, – мрачно размышлял о своей новой жизни Серёня. – Не сидеть же здесь всю ночь».

Недалеко, со стороны реки, раздался дружный хохот. Людские голоса были хорошо слышны в вечернем воздухе. «Кто это там веселится на ночь глядя», – с досадой подумал Сереня. Голоса двигались в его сторону, и он уже начал различать отдельные слова.

– Вот умора! У мента кошелек спер! Да ты ему как следует

по шее наkostenяй, и он больше никогда воровать не будет.

– А толку? Это если бы как раньше, в нормальных домашних условиях, в семье. А то здесь разве иначе прожить можно? Я думаю, наоборот, к каким-нибудь лихим людям, из местных, его приставить в помощники, вот тогда из него в современной жизни обязательно толк будет.

Голоса раздавались уже совсем близко, и Серёня рассмотрел в быстро наступающей темноте людские силуэты. Мужчина и женщина, оживленно жестикулируя, шли вдоль реки. Рядом с женщиной плелся невысокий тщедушный пацан лет тринадцати, хотя он был таким худым и облезлым, что возраст можно было и перепутать. Серёня сидел тихо, и колоритная тройка остановилась в трех шагах от него.

– Нет, Мария. Ты совершенно не права. – Мужчина, обладавший хорошо поставленным профессорским басом, начал терпеливо объяснять женщине, что методика её воспитания подрастающего поколения в корне неверна. Пацан стоял рядом и откровенно скучал. Наверное, от скуки он стал медленно продвигаться в сторону оттопыренного «профессорского» кармана, и вдруг неожиданным резким движением выдрал из этого кармана нечто, напоминавшее бумажник. Профессорская проповедь прервалась на полуслове длинным витиеватым ругательством. «Профессор» раздражился такой профессионально исполненной тирадой, что Серёня искренне восхитился его талантом.

– Ах ты, мерзавец! Негодяй! Почему ты не сдох во мла-

денчестве, иезуит! Немедленно вернись и отдай мой кошелек, дрянью ты эдакая!

Пока Профессор подобным образом пытался вразумить удиравшего со всех ног маленького воришку, его мамаша хотала так безудержно и заразительно, что Серёня не выдержал и расхохотался вслед за ней. Профессорские ругательства мгновенно смолкли, и мамашин смех оборвался с испуганным всхлипом. Несколько секунд стояла гробовая тишина, и потом профессор осторожно спросил:

– Кто здесь? – Серёня понял, что его инкогнито раскрыто и вышел из ставшей почти непроницаемо-черной вечерней тени.

– Добрейший вам вечерок, это я здесь, – сказал он, протягивая «Профессору» руку для приветствия. «Профессор» странно замешкался, но все же пожал протянутую руку.

– Непривычно, знаете ли, молодой человек. Мне уже давно никто руки не подавал, – словно бы оправдываясь, вместо приветствия вдруг произнес он, и задал вполне резонный встречный вопрос: – Простите, а вы сам-то кто будете? – Словно бы спохватившись, «Профессор» вдруг застеснялся своего вопроса, неловкость повисла в воздухе, но все же он продолжал вопросительно смотреть на Серёню.

– Я-то? Я – просто человек. – Вопрос «в лоб» застал Серёню врасплох. И он, так же, как и незнакомец, неожиданно для себя, замешкался, подыскивая слова для ответа. – Вчера ещё всеильный и всемогущий бизнесмен, а сегодня... Се-

годня – вероятно, просто никто.

– Простите великодушно, так не бывает. Имя-то у вас обязательно должно сохраниться. Оно ведь ни при каких обстоятельствах нами утеряно быть не может. – «Профессор» недоуменно-ласково смотрел на Серёню, и его взгляд был необыкновенно участливым и добрым. «Какой занятный человек», – промелькнула у Серёни неожиданная мысль, но она была столь неуместна в этой ситуации, что тут же исчезла. Сереня улыбнулся наивности «Профессора».

– Вы так думаете? Впрочем, я бы согласился с вами даже ещё сегодня до обеда. Но, как недавно сказал мне один малознакомый человек – жизнь быстро меняется, и обстоятельства также могут быстро изменяться. Так что, я бы не был на вашем месте так категоричен насчет имени. Звать-то меня по-прежнему, Серёней, можно Сергеем Николаевичем. Ну, а насчет фамилии, то я её и сам ещё не выучил.

«Профессор» и женщина вежливо слушали Серёнину исповедь. Закончив краткий монолог о самом себе, Сереня заинтересованно глянул в сторону ближайших кустов, росших у самого берега реки – оттуда слышался негромкий шорох и сопение – и спросил:

– А вы кто такие будете, и чего этот пацан так неправильно себя ведет?

Проигнорировав первую часть его вопроса, ответила Серене женщина:

– Этот пацан – сынок мой, начинающий воришка с моего

и божьего благословения.

– Это как? – опешил Сереня.

– А вот так. Жизнь нынче такая пошла. Жилья у нас нет, стало быть, и в школу путь ему заказан. А если в школу не ходить, то какое же ему образование получать прикажете? Я думаю, уличного «университета» ему в самый раз достаточно будет.

Сереня возмутился:

– Что же вы, женщина, так над собственным сыном издеваетесь? А как же органы опеки? Спецшколы, наконец? – Женщина даже бровью не повела.

– Вы, уважаемый, глупости сейчас говорите. Вы когда-нибудь те органы видели? Нет? А я видела. Нечего там приличному ребенку делать. Там из него урота сделают. Там же нормальных людей – раз-два и обчелся. У них на такой работе психика не выдерживает. А вот всяких ущербных я там досыта насмотрелась. Детей только калечат.

Сереня вздохнул.

– Вы знаете, я по телевизору видел. Есть такие образцово-показательные детские заведения. Там и чисто, и школа хорошая.

– Много вы знаете, – неожиданно разозлилась женщина. – Да чтобы в такое заведение попасть, знаете, сколько денег надо заплатить в ваши опекунские органы? Вот вы чего здесь на лавочке сидите в дорогом костюме? Почему домой не идете?

– А нету у меня теперь дома, – тихо сказал Серёня.

– То-то. А ведь, похоже на то, что с вами как-то несправедливо обошлись? Верно я заметила?

– В общем, верно, – согласился Серёня.

– Так чего же вы, сам пострадавший от общественного равнодушия, мне советы даете? Это только успешные люди, которые свою жизнь вполне устроили, вправе мне советы давать! А от всяких неудачников мне и выслушать-то совершенно нечего.

Серёне все происходящее казалось чем-то не совсем реальным. Он поймал себя на мысли, что он стоит здесь, в парке, около реки, далеко в вечереющем небе разливается замечательный густо-фиолетовый закат и его отчитывает совершенно незнакомая женщина, о существовании которой он еще утром и не догадывался. «Да где оно теперь, это утро! Действительно, фарс какой-то. И права она, эта тетка, чего это я ей советы решил давать. Мне теперь и идти-то некуда», – Серёня не успел додумать эту мысль до конца, как молчавший до этой минуты «Профессор» неожиданно вмешался в их разговор.

– Ладно тебе, Мария. Чего ты на человека налетела. Всякие в жизни обстоятельства бывают, мало ли, что с ним случиться могло, не наше это дело. А вы, простите за любопытство, где ночевать собираетесь?

Серёня поразился участию, прозвучавшему в голосе незнакомого человека. Он даже растерялся от неожиданно-

сти вопроса.

– Где ночевать буду? Я и сам теперь не знаю, где мне ночевать надо! – Серёня умолчал о том, что последние два часа ломал голову над этим вопросом. Гостиница денег стоит. А с деньгами у Серёни на сегодняшний вечер было туговато. Деньги надо было теперь беречь.

– А давайте к нам, – немедленно предложил ему «Профессор».

– К вам – это куда? – Серёня поинтересовался просто так, из вежливости.

– К нам, под мост. Там тепло и тихо. И менты редко гоняют.

Серёня ожидал чего угодно, но только не такого ответа.

– Куда-а-а?

– Под мост, – терпеливо повторил «Профессор». – А то вам ведь все равно идти некуда. Переночуете, а там видно будет. Как-нибудь справитесь. Пойдемте, у нас хорошо, – уговаривал он Серёню. Серёня внутренне уже смирился с перспективой ночевки под мостом, но ещё какая-то часть его продолжала молча возмущаться несправедливостью, с которой обошлась с Серёней жизнь.

Наконец, тяжело вздохнув, он кивнул головой и пошел вслед за своими новыми знакомыми, которые уже двинулись в сторону моста, который в темнеющем над рекой пространстве казался чем-то вроде первобытного, изогнувшего спину чудовища, неторопливо выбирающего для себя новую жертву.

ву. На ужин.

Шагая рядом с этими двумя совершенно незнакомыми людьми, Серёня погрузился в свои невеселые мысли, и сначала не слушал того, что говорил ему «Профессор». Обрадовавшись собеседнику, тот спешил ознакомить новенького с правилами внутреннего распорядка обитателей «подмостового» общежития. Но понемногу Серёня заинтересовался, и даже стал задавать вопросы по этой совершенно новой для него теме.

Глава 6

Под мостом горел небольшой костерок, а над ним был приспособлен «козлюнчик» с висящим на нем приличных размеров котелком. В котелке что-то аппетитно булькало. Серёня вспомнил, что его последний обед случился уже много часов назад и понял, что проголодался. Из вежливости он присел подальше от котелка, чтобы его с головой не выдавало громкое урчание в животе.

Людей под мостом было немного. Кроме «Профессора», которого Серёня мысленно прозвал так из-за его совершенно неуловимой и естественной интеллигентности и абсолютно правильной и даже слегка витиеватой привычки выражать свои мысли, и женщины, по имени Мария, в общежитии на свежем воздухе обитали ещё трое: яркая молодуха, непонятно как оказавшаяся здесь в столь нежном возрасте, старый-престарый дед Филиппыч – ветеран «подмостового» движения и бабка Маланья – кухарка и экономка общины. Она сейчас помешивала приятно пахнувшее варево, искоса поглядывая на вновь прибывшего. «Профессор» представил Серёню этому сообществу, и через пять минут все забыли о том, что он новенький.

Уже стемнело, но костер давал достаточно света, и Серёня решил осмотреться. Как знать, надолго ли он здесь? К бетонной опоре моста кто-то и неизвестно в какие времена при-

лепил деревянный лодочный сарай. Дерево было темно-серым и щелястым. Это сооружение нельзя было считать памятником деревянного зодчества, но по возрасту сарай точно был Серёниным ровесником. А может и старше. «Видимо, теперь это и есть моя крыша. Да, такой у меня еще не было. Ну и ладно, хоть от дождя можно спрятаться». Философский склад ума часто помогает людям не отчаиваться и в более серьезных ситуациях. Хотя, куда уж серьезнее!

Подмостовые граждане вели себя так, словно знали Серёню с самого рождения. И Серёне это очень понравилось. Он, как любой нормальный человек, тяжело переживал неожиданный жизненный кризис, и ему просто необходимо было чьё-то участие. Судьба послала ему самый лучший вариант – практически незнакомых людей, которые, в силу собственных жизненных обстоятельств, давно отвыкли лезть в чужую душу со своими дурацкими советами. Серёня сидел недалеко от костерка и слушал неспешную и обстоятельную беседу своих новых компаньонов.

– Вот молодежь пошла, у своих воруют! Ё... Разве это дело? – Бабка Маланья сокрушалась над тем, что поведал ей «Профессор» о недавнем происшествии с его кошельком.

– Ты, Мария, хоть бы объяснила своему балбесу, что у своих воровать нельзя. Для этого господь вона сколько людей создал – воруй, не хочу! У своих-то воровать – грех!

Мария согласилась с рассуждениями бабки Маланьи и пообещала провести среди своего подрастающего поколения

разъяснительную работу. Разговор плавно перекинулся на другие темы. Из услышанного Серёня понял, что обитателям «подмостового» общежития не чужды и общемировые проблемы. Особенно усердствовал дед Филиппыч. Потрясая обрывком позавчерашней газеты, дед вещал, как новый Левитан:

– Говорил я вам, что мировой империализм не дремлет? А вот оно так и вышло. Энти проклятущие американцы совсем осатанели. Пупами земли себя мнят. А кто ж его им права такие дал, а? Я вас спрашиваю! Россию все хают, забыли, чем они нам обязаны, ироды! Если бы не русский солдат, сейчас бы полмира по-немецки разговаривало, а их хваленый американский президент в холуях у фрицев бегал!

Патриотическая дедова речь осталась без ответа, потому что котелок бабки Маланьи практически добулькал свою победную песню. Кухарка-экономка пригласила всех к ужину. Вариво разлили по тарелкам, которые, к удивлению Серёни, были образцово чистыми, и раздали всем, вместе с ломтями хлеба, вволю наваленными на большущем железном блюде. Серёня накинулся на еду. Это была пшенная каша, слегка приправленная тушенкой. Через минуту приятное сытое тепло заполнило его измученное тело и проникло в душу. Только сейчас он понял, как же он устал, и нервы его, натянутые до предела дневными событиями, потихоньку обмякли и расслабились. Проглотив ужин со скоростью, которая в приличном обществе считается предосудительной, Серё-

ня пришел в свое обычное благостное расположение духа, а прерванный едой разговор возобновился.

Молодую звали Зойкой, но она откликнулась и на Раю. Это обстоятельство заинтересовало Серёню, и он решился задать вопрос:

– Почему же вас, девушка, двумя именами зовут?

Рая-Зоя кокетливо улыбнулась, и, колоритно шмыгнув, ответила:

– Меня в школе дразнили, и я свое имя невзлюбила. А когда сюда пришла, попросила, чтобы меня по-другому звали. Так мне приятнее.

– А как же вас дразнили?

Девушка застеснялась, но все же тихо произнесла:

– Зойкой-тазиком.

– А где связь? – удивился Сереня.

– Помните песню: «я твой тазик, ты мой глазик». Так вот, там ещё есть «зайка моя», а они сначала Зойку на «зайку» переделали, а потом уже и до тазика дошло.

– Да, замысловатые у твоих друзей умозаключения! Но Зоя – тоже хорошее имя, – рассмеялся Сереня, но Зойка-Райка надулась. Он поспешил извиниться и перевел разговор на другую тему.

– А скажите мне, добрые люди, давно ли вы здесь обитаете? Если, конечно, это не секрет, – задал вопрос Сереня как бы невзначай, не обращая ни к кому конкретно. Ответила ему бабка Маланья.

– Мы здесь недавно поселились, всего-то недели три. Так вышло. А до этого все своими жизнями жили.

Серёня заинтересовался еще больше.

– А как же перспективы? В смысле, что дальше?

– А дальше – как Бог даст. – Маланья поджала губы и перекрестилась.

Серёня почувствовал себя неловко. Здесь ему никто лишних вопросов не задавал, а он...

После ужина разговор стал стихать и разделился на группы. «Профессор» тихо убеждал Марию повлиять на своего отпрыска в положительную сторону и не отдавать его вора́м на обучение. Мария молчала, каменно сомкнув губы, но в её глазах была просто неземная тоска. Дед Филиппыч, дочитав до конца позавчерашнюю передовицу, чтение вынужден был прекратить, так как костерок, при свете которого он умудрялся читать, почти погас.

Бабка Маланья увлеченно и со знанием дела рассказывала Зойке рецепт французской шарлотки, вычитанный ею в оригинальном французском же кулинарном справочнике много-много лет назад. Из её рассказа Серёня неожиданно усвоил, что справочник был ею прочитан на языке оригинала, а сама бабка Маланья в ту пору проживала в городе Париже. «Чудны твои дела, господи, – удивился в очередной раз за этот день Серёня. – Это где же – Париж, а где – этот мост!»

Постепенно разговор совсем затих, а «подмостовые» граждане стали откровенно зевать.

– Ладно, пора и на боковую, – сказал «Профессор», – а то завтра рано вставать. – Женщины и дед Филиппыч ушли в сарай, а «Профессор» стал расстилать около костра старое одеяло. Он объяснил Серене так: – Я на свежем воздухе спать очень люблю. Я ведь раньше, когда помоложе был, в разных научных экспедициях участвовал. А там, сами знаете – романтика, палатки, лес. Красота!

Серёня подивился своей неожиданной интуиции: «Похоже, угадал я с прозвищем. «Научные экспедиции»! И, правда, – профессор».

А тот, сняв аккуратно заштопанные по бокам сандалии, растянулся на одеяле, блаженно зевая и улыбаясь каким-то своим мыслям. Сереня подумал: «Это что-то невероятное. Человек спит практически на голой земле, у него нет ничего, то есть, абсолютно ничего, а он улыбается и выглядит вполне довольным. Чудны твои дела, господи!» А «Профессор», словно спохватившись, резко сел на своем импровизированном ложе:

– Вы простите, я тут разлежся, а вам совсем забыл сказать – нас сегодня на одного больше, а второго одеяла, к сожалению, нет, но завтра мы что-нибудь для вас обязательно придумаем. Вот только это и могу вам пока предложить – Маланья позаботилась. – Старик виновато развел руками и кивнул на несколько стопок газет, аккуратно разложенных около костра.

Трава под мостом была мягкая, и устланная для ночлега

свежими газетами вполне годилась вместо постели. Серега нашел местечко между двух кочек, покрутился, устраиваясь на новом месте, пригрелся и заснул. Так закончился первый день его новой жизни.

Глава 7

Утро под мостом начиналось рано. Зойка убежала на работу. Она работала на рынке, торговала какой-то мелочевкой. Хозяйка платила ей мало, но на хлеб с пепси-колой хватало, и когда Зойка прибилась к «подмостовой» общине, большую часть своей зарплаты она стала отдавать бабке Маланье, впрочем, как и все остальные. Перебивались кто чем. Дед Филиппыч чистил обувь проходящим и проезжающим. На другую работу у него просто не хватало сил – жизнь на свежем воздухе в его возрасте была не лучшим подспорьем здоровью.

Мария, как выяснил Серёня, была в недавнем прошлом учительницей младших классов. Но, после неудачной сделки с недвижимостью – она решила поменять свою двухкомнатную квартирку на такую же, только в другом районе – Мария осталась совсем без квартиры. Её, без лишних вопросов, выперли на улицу новые хозяева, и она, вместе со своим малолетним, но подающим большие надежды сыном Колькой, поселилась под мостом.

Мария оказалась под мостом случайно, так же как и Серёня: познакомилась на рынке с Зойкой, а та привела её в «подмостовую» общину. Теперь, как и Зойка, Мария торговала на рынке. Только товар у неё был поинтеллигентней – хлеб, и она снабжала им общину в неограниченных количе-

ствах.

Бабка Маланья сама ушла из дома, не вытерпев попреков повзрослевших детей. Она была женщиной спокойной и справедливой, и не понимала, как у неё, такой положительной и доброй, могли вырасти такие черствые и злобные дети. На Серёнин вопрос о внуках бабка заметила, что яблочко от яблоньки недалеко упало, и следующие Серёнины вопросы отпали сами собой.

«Профессор» действительно был когда-то профессором – орнитологом. Но неожиданно в «великом и могучем» государственном укладе начались перемены. Старая советская профессура, плохо разбиравшаяся в чем-либо, кроме очень чистой науки, тяжело адаптировалась к новой жизни: кому-то пришлось покинуть страну в поисках потерянного научного рая, кто-то ушел в бизнес, а профессору-орнитологу новые жизненные коллизии практически не оставили выбора. Последней каплей была неудачная женитьба на молодой аспирантке: новобрачная быстренько оставила ученого мужа без жилья и указала ему на дверь. Так он оказался под гостеприимным мостом, в обществе, о котором в своей прошлой, профессорской, жизни даже не догадывался, а новым местом работы ему стала обыкновенная церковная паперть – а что, заработок неплохой, под праздничек – не хуже бывшего, профессорского – любят на Руси обиженных и убогих.

Дед Филиппыч о своих жизненных перипетиях никому не рассказывал, и кто он и откуда никто не знал. Зойку же вы-

гнал из дома пьяница-отчим, а матери своей она не помнила.

Первой под мостом поселилась бабка Маланья. Она верила в Бога и его защиту от несправедливостей мира. На таких людях, как она, держится этот мир. Но таких и обижают чаще других. А там под мост и остальные подтянулись: кто на свет костра, кто на запах похлебки. Так и образовалась эта «подмостовая» коммуна. И была в этой безысходной покорности судьбе обыкновенная русская философия: день прошел, и слава Богу. А кто их за это осудит?

Все это поведала Серёне сердобольная бабка Маланья, накладывая ему на завтрак кашу в чисто вымытую тарелку. Она говорила просто, безо всяких наводящих вопросов, и этот рассказ звучал даже как-то обыденно. Словно два человека беседовали утром, за завтраком, перед уходом на работу. Словно это происходило на обыкновенной кухне с нормальными стенами, столом и стульями, с неторопливо пыхтящим чайником на кухонной плите. Улучив момент, Сереня спросил у Маланьи разрешения заглянуть внутрь сарая. Из любопытства.

– А чего же, загляни. Секретов у нас там нет.

Внутри старого лодочного сарая все было устроено с максимальным комфортом, если это слово вообще применимо к такого рода жилищу. Вдоль стен были сколочены деревянные топчаны. Под ними Сереня разглядел несколько больших сумок в синюю клеточку. В таких торговцы-челноки – тоже примета нового времени – обычно возят свой товар.

Посредине помещения стоял круглый стол, накрытый клеенкой в мелкий красный цветочек. На столе горкой лежали перевернутые для сушки чистые тарелки и кастрюли. Под столом стояла большая коробка, из которой торчали ручки сковородок и дуршлагов, всей нехитрой Маланьиной кухонной утвари. В углу на веревке сушилось развешенное после стирки белье.

– Вот так и живем. – Маланья незаметно смахнула кончиком платка слезу, предательски просочившуюся сквозь ее добродушную улыбку. – Гарнитуров мебельных у нас тут нет, вещи все в сумках держим. Но, ничего, уж привыкли. Зато все чистое. Гладить, правда, негде. Но за чистотой я слежу. Вон, в тазу все стираю, благо вода-то рядом. Принесу с речки, нагрею, и помыться можно, и посуду помыть. – И Маланья горько вздохнула. – Ладно, пойдем чай пить.

После сытного завтрака Серёня, скорее по старой привычке к аккуратности, чем по необходимости, почистил и привел в порядок свой костюм, а потом сел на накрытую газетой кочку и крепко задумался.

Серёня никак не мог уяснить, почему все эти, в общем, неглупые люди вдруг оказались на улице? То есть, совсем безо всякого жилья. Ведь в той своей, прошлой, жизни, он точно знал, есть какие-то социальные учреждения, дома для престарелых, что ли? Или какие-то интернаты.

Он не помнил точно, как все это называлось, но дикторы по телевизору часто и умиленно рассказывали о том, что кто-

то оказал благотворительную помощь тому-то, а такие-то перечислили на счет детского дома кругленькую сумму. И ладно бы народ «бомжевал» и побирался по людям! Но, за исключением Маланьи, все имели какую-никакую, но работу. Даже «Профессорская» паперть тоже могла считаться работой, поскольку приносила хоть и нерегулярный, но все же заработок.

Поломав голову над этим вопросом, Серёня так и не нашел на него ответ и решил сегодня же вечером спросить об этом у своих новых знакомых.

Теперь его мысли занимал он сам. Как могло произойти, что он, такой умный человек, приличный бизнесмен, тертый жизнью калач, вдруг так неожиданно и глупо вляпался. Эта простенькая с виду мысль не давала ему покоя. Он просто закипал от возмущения, когда вспоминал, как с ним вчера обошлись. Но привычка все анализировать и находить оптимальные решения взяла верх.

Возмущение в его душе сменилось холодным спокойствием, которое, как он точно знал по опыту, всегда помогало ему выкручиваться из самых неприятных ситуаций. Для начала он решил разузнать, что происходит у него в офисе. Угрозы вчерашнего «всемогущего» на Серёню не очень-то подействовали. Он, конечно, не собирался совать голову в пекло, но нормальное человеческое любопытство не давало ему покоя. «Как же они себе все это представляют? Ведь, если я пропал, меня должны искать. А кто меня будет искать? – Но

он тут же сам ответил на этот вопрос: – А, собственно, и некому: семьи у меня нет, секретаршу уже заменили. Потом сотрудникам скажут, что я контору продал новым владельцам – и всё! Хитро, практично и «офисный планктон» можно не менять». У него в душе шевельнулась и сразу же умерла гордость за его профессиональный коллектив. «Да-а, дела. Хорошо, с конторой они как-нибудь разберутся. Ну а дом? У дома-то только один владелец – я! Как же они представят Дашке других хозяев? А кто мне сказал, что Дашка останется в доме? Выпрут, так же, как меня. И при этом скажут, что я и дом продал. Вот чертовщина! Но все это только мои вымыслы-домыслы. Надо все разузнать наверняка».

Приняв решение, Серёня почувствовал себя гораздо лучше. Он как все, по-настоящему, деловые люди, не любил долго находиться вне работы. Любая конкретно поставленная перед ним задача мобилизовывала его мозг, и он, почувствовав себя при деле, сразу же перешел к активным действиям.

Прежде всего, надо было добраться до своего прежнего дома и попытаться повидать Дашку. Невероятно, чтобы её тоже выгнали за один день, как и Марину. Хорошая домработница – это клад. А чтобы найти новую, требуется некоторое время. Эти мысли придали Серёне решимости, и он ринулся в бой.

Дом его находился за городом, и обычно он добирался туда на собственной машине. Сейчас ему предстояло вспомнить, на чем же туда ездят обыкновенные граждане. Как ни

странно, память услужливо выдала номер маршрутки, обычно проскакивавшей мимо его дома и не вызывавшей у Серёни никаких эмоций – слишком давно в своей жизни он пользовался общественным транспортом. А к хорошему быстро привыкаешь, и потом, необходимо некоторое душевное усилие, чтобы освободиться от притягательной силы удобств, придуманных нашей цивилизацией.

Задолго до этих событий он, бывало, сживая в кабинете с хорошей сигарой и чашкой кофе, восхищался, как же ему невероятно повезло в этой жизни. Повезло, что он родился именно сейчас, а не, допустим, триста лет назад, когда даже электричество еще не изобрели. Сейчас все просто – щелкнул выключателем – и вот тебе, пожалуйста, свет. Открыл кран, и водичка потекла, а предусмотрительная цивилизация даже обеспечила нас холодной и горячей водой поотдельности. А раньше? За водой на реку сходи, костер разведи, а если, не дай бог, проголодался, то вообще катастрофа – мясо на охоте добудь (это с риском-то для жизни!), зерно в ступе растолки – а как еще муку для хлеба добыть? Пока все эти подвиги совершишь – желудок наизнанку вывернется от голода. Не то, что теперь – открыл холодильник, и ешь, что душа пожелает. Красота!

Но такие рассуждения Серёнину голову очень уж сильно не перегружали. Так, когда настроение накатит. Серёня был как раз тем человеком, которого удобства цивилизации привлекали, но не сковывали. И никакие «страсти-мордасти»,

талантливо описанные русскими классиками, ему по этому поводу не грозили.

Он давно усвоил, что все претензии к жизни всегда необоснованы и жестоко наказываются самой жизнью. Бог дал, бог взял. И если у тебя все в порядке с головой, то ничего страшного в твоей жизни вообще произойти не может. Ну, кроме смерти, конечно. Но эта неприятность рано или поздно случается с каждым из нас, и поэтому об этом можно просто забыть.

Такая, слегка философская, позиция давала Серёне возможность перебираться через всяческие жизненные Монбланы с минимальными потерями. А в его жизни уже были потери, которые кое-чему смогли его научить.

Первым крупным ударом был для него развод. Он любил свою жену. Он устроил к себе в контору двух её родственников на приличные должности, и когда столкнулся с их неуправляемостью и головоуятипством, безропотно терпел эту головную боль, «заноса хвосты» после их неудачных попыток «порулить».

Когда жена сбежала от него к более богатому приятелю, Серёня впервые в жизни впал в ступор. Он не ожидал такого циничного предательства от человека, с которым делил постель. Оправившись от этого удара, Серёня раз и навсегда сделал вывод, что женщины коварны, и держался от них подальше. Что, впрочем, скорее помогало, чем мешало его карьере. Некоторые интрижки и увлечения были не в счет. Он

выкинул на улицу ее родственников и в первый раз в жизни не испытал никаких угрызений совести.

Вторым ударом и поводом для очень нервных переживаний была ситуация, в которую время от времени попадает любой человек, именующий себя бизнесменом. Один из Серениных партнеров по бизнесу, очень уважаемый и немолодой уже человек, решил проверить своего более молодого коллегу по бизнесу на прочность. А говоря обыкновенным русским языком, попросту «кинуть».

Но информация в нашем мире, как известно, распространяется со скоростью её оплаты, и очень предусмотрительно для любого человека, ступившего на скользкий путь бизнесмена, тратить деньги на покупку нужной информации, или же на людей, которые могут ему в этом помочь. Серёня был предусмотрительным парнем. С «нехорошими» деловыми партнерами умный человек всегда разбирается быстро и без потерь. Узнав о некрасивых – да что там говорить! – просто гадких планах бывшего, теперь уже, бизнес-друга, Серёня, в свою очередь, нашел способ «урезонить» коллегу, и когда тот с треском разорился, Серёня лег спать с чувством выполненного долга.

Осадок от двух этих некрасивых историй у него на душе все же остался. В нем всегда боролись два человека: бизнесмен говорил ему – действуй жестко, а его внутренняя сущность возмущалась и кричала: «Не смей обижать людей! Это плохо». Вот так Серёня и жил. За уроки он был жизни бла-

годарен – бесполезных знаний не бывает, и после всего пережитого справедливо рассудил, что так жизнь научила его двум очень важным аксиомам – бизнес не терпит лохов и родственников.

Надо заметить, что Серёня не был злопамятным человеком, и когда его бывший «недруг» сообразил, что именно произошло и откуда подул столь разорительный и недружественный ему ветер, он пришел к Серёне и повинулся во всех своих грехах, что, согласитесь, бывает в нашей жизни крайне редко.

И Серёня неожиданно ему помог. Что бывает еще реже.

Произошедшее накануне Серёня воспринял как новый удар, жестокий и непредсказуемый. Этот удар выбил Серёню из привычного русла жизни. Но старая присказка о том, что утро вечера мудренее не просто так была оставлена для нас пращурами. Утром и птички поют иначе, и солнышко светит веселее.

С такими мыслями Серёня шагал на остановку маршрутных такси, теребя в кармане пригоршню мелочи, приготовленную для оплаты за проезд. «Занятно, я на бензин кучу денег каждый день тратил, а оказывается, можно туда за какие-то копейки добраться. Страшно далек я стал от народа, сейчас исправим».

Глава 8

Дом. Вот он, стоит посреди зеленой лужайки. А рядышком – фонтан в виде мельницы – вода течет, колёсико крутится. Красота! При виде знакомой картинке у Серёни комок подкатил к горлу. Он и не подозревал, как тяжело ему будет со всем этим расставаться. Ещё бы! Все здесь придумано им, Серёней. А теперь пришли какие-то чужие дядьки и своими сапожищами все вытопчут, поломают, перестроят.

Серёня стоял в тени зеленой изгороди, окружавшей его дом. Он не хотел лезть на рожон, но чувство, что с ним поступили несправедливо, все глубже и глубже проникало в душу. «Вот, мерзавцы! Всё правильно рассчитали! Защитников каких-то особенных у меня нет, жаловаться, стало быть, я никуда не пойду. Правильно, кому в нашей стране можно о таком рассказать – пожаловаться. Точно, скажут, из психушки сбежал! Среди бела дня у человека все отняли. И, небось, уже все бумажки у них на другого хозяина выправлены. Власть, мать её! Во, попал!»

С такими мыслями стоял Серёня напротив своего бывшего дома и ждал. Чего ждал, он и сам толком не знал. Чуда? Случая? А, может быть, всего сразу. И вдруг чудо произошло. Дашка! Домработница вышла из дома с мусорным ведром в руке. Серёня медленно пошел вдоль зеленой изгороди в сторону мусорных баков. Ничего не подозревавшая Дашка

уже добралась до искомой точки и методично выколачивала ведро о край мусорника.

– Дашка, – задуманным шепотом позвал Серёня. Но Дашка так самозабвенно колотила ведром о край мусорного бака, что Серёнин шепот был совершенно неэффективен. Оглянувшись по сторонам – нет ли кого поблизости – Серёня привычно гаркнул: «Дашка!» и спрятался. Дашка перестала издеваться над ведром и притихла, выждав с минуту, и никого не заметив, вознамерилась было удрать. Но Серёня, зная её пугливый деревенский нрав, опередил её, и, присев на корточки, снова громко позвал: «Дашка!» На этот раз девушка сообразила, из какого места исходит голос, и стала медленно продвигаться в ту сторону, вытягивая шею, словно любопытная гусыня. Увидев Серёню, Дашка всплеснула руками и уже набрала воздуха, чтобы заголосить. Но Серёня оказался проворнее. Он одним прыжком схватил Дашку в охапку, зажал ей рот ладонью и присел вместе с ней под изгородью. Дашка дернулась пару раз и затихла.

– Дашка, это я, чего ты вопишь. Я ничего тебе не сделаю. Ты только расскажи, что в доме творится. Все. Я сейчас отпущу тебя, а ты не ори, а то выдашь меня с головой. Хорошо? – Дашка кивнула, и Серёня убрал страховочную ладонь с её рта.

– Сергей Николаич, как же так, как же вы, а? – Дашка хоть и обещала не голосить, но не сдержалась и слезы полились из неё рекой. Но из-за этого и голос у неё был тихим, и причи-

тания негромкими. Серёню это устраивало. Подождав, пока Дашка наревется вдоволь, он, наконец, решил, что пора и делом заняться.

– Ну, не реви, видишь, я живой и здоровый. Ты мне лучше расскажи, что в доме происходит. – Когда Дашка осознала, что с её прежним хозяином ничего страшного не случилось, и он не призрак, а вполне живой человек из плоти и крови, она поведала Серёне почти детективную историю.

Оказывается, вчера после обеда в дом пожаловал молодой человек, которого, если бы не длительное общение с хозяином, она бы и сама приняла за Серёню.

– Но, понимаете, Сергей Николаич, я-то вас хорошо изучила. А у этого повадка не та. Хотя и похож – просто жуть. Вылитый вы. Больным сказался и в спальне залег. Книжки читает. А с виду и впрямь – больной. Вы то в это время обычно в офисе находитесь. Я сразу неладное почувяла. И как бы невзначай пришла к спальне и в дверь так говорю: «Может, апельсинового сока, Сергей Николаич». А он аж вздрогнул. Видимо, не ожидал. «Нет, – говорит. – Я его терпеть не могу. И я не Сергей Николаич». Потом так задумался странно и вдруг говорит: «Хотя, нет. Вы правы. Я теперь Сергей Николаич». И снова в книжку уткнулся. Тут-то мне все и понятно стало – вы-то апельсиновый сок как любите! Если только не с перепоя, то завсегда его пьете и с большим удовольствием. Я даже перепугалась сначала, думаю, что делать, то ли милицию вызывать, то ли еще кого. А потом поутихла и сообра-

зила – какая милиция. Он же вылитый вы. Наверное, и документы в порядке. Ну, думаю, надо не торопясь подождать. А вдруг это какой-то родственник ваш, а я и не в курсе. Решила я пока посмотреть-послушать, а вот и вы сегодня подоспели. Значит, я правильно подумала. А еще этот новый Сергей Николаич, тьфу, Господи прости, – Дашка наскоро перекрестилась, – сегодня с утра какую-то тетку приволок. Сказал, что помогать мне по-хозяйству будет. А чего мне помогать, я и без нее все успеваю, даже время остается. Видимо, шпионить ко мне приставил. – Дашка выпалила все это на одном дыхании, и только теперь перевела дух.

– Ну, пижоны! Это даже не театр, а цирк. Какого-то хлюпика под меня загримировали, и на тебе – все в ажуре. – Серёня медленно закипал, не в силах унять адскую смесь отчаяния и возмущения, которая со вчерашнего обеда поселилась в его крови вместе с адреналином. – Он мне не родственник, Дашка. Я его вообще не знаю. – Сереня почти выкрикнул все это девушке в лицо, и, видимо, для убедительности, потряс ее за плечи. Но приступ ярости быстро прошел – сказывались многолетние бизнес-тренировки. Прodelал он все это скорее от перевозбуждения, вызванного неожиданным и сбивчивым Дашкиным рассказом. Окончательно придя в себя и отпустив Дашку, которая все это время безропотно, словно тряпичная кукла, болталась в руках своего бывшего хозяина, Серёня вдруг осознал всю бесполезность и странность своих сильных эмоций. Холодное спокойствие

надвинулось на него, совсем как перед важной сделкой или переговорами. Он знал это состояние. Оно всегда было гарантией успеха: «Ничего нельзя делать наспех. Обдумай и действуй». Обычно это все являлось необходимым атрибутом его бизнеса, и он никак не мог предположить, что это качество пригодится ему где-нибудь еще.

Успокоившись, и даже почувствовав прилив легкой иронии, он сказал:

– Нет, Дашуня. Это не мой родственник. Это – бандит. – Дашка испуганно охнула. Улыбаясь, Серёня приложил палец к губам. Серёнина слегка игривая улыбка вселила в Дашку уверенность, что ее хозяин – гений, которому подвластны любые жизненные ситуации, которые создаются исключительно, чтобы развеять его вселенскую скуку. Дашка приободрилась и тоже заулыбалась. А Серёня продолжил свои мысли вслух:

– Я думаю, они примерно таким же способом и мою контору «толкнули» нужному человечку. Стоп. А зачем ее толкать, если теперь он – это я. Работников смени, и все в ажуре. На это недели две уйдет, не больше. Типа реорганизация. Вот напасть! А ещё выдают себя за государственных людей. Ворьё!

Все эти мысли посетили Серёнину голову в течение считанных секунд, а высказал он их только для того, чтобы утвердиться в мнении – все именно так и есть. Еще он понял, что если эти люди присвоили себе такие полномочия,

чтобы вот так запросто расправиться с его имуществом, то как же быстро они в действительности могли бы избавиться от него самого. Теперь Сереня не питал никаких иллюзий по-поводу планов его вчерашнего знакомого. «Да, шлепнули бы, и концы куда-нибудь в яму. Ищи ветра в поле! Ишь, ты, как ловко!»

Высказав все свои предположения вслух, Серёня погладил девушку по голове, улыбнулся еще шире, и сказал:

– Не дрейфь, Дашка. Что-нибудь придумаем.

Дашка тарачилась на задумавшегося Серёню, и теперь не издавала ни звука. Наверное, она решила, что Серёня прямо сейчас пойдет войной на их дом и отвоюет его у неприятеля, и именно сейчас ему надо обдумать план решающей битвы.

– Послушай, Дашка. Если я тебя когда чем обидел, ты меня прости, – начал было Сереня. Но Дашка перебила его:

– Ну что вы, Сергей Николаич, глупости какие, вы такой хозяин – золото! Вы думаете, я с другими домработницами не общаюсь? Да им иногда такие хозяева попадаются – звери! И вытворяют с девушками, что хотят, и паспорта забирают, и денег не платят... Что вы! Чтобы я на вас зло держала? Никогда в жизни!

Серёня был удивлен такой исповедью – ему и в голову не приходило, что его друзья-коллеги по бизнесу в быту могут быть чистыми свиньями. Со всех точек зрения.

– Дашка, спасибо за откровенность. – Его искренняя благодарность простой крестьянской девахе была сейчас истин-

ной, как молитва. – И если у нас с тобой полное взаимопонимание, тогда у меня для тебя есть очень ответственное задание.

– Какое? – с готовностью откликнулась Дашка.

– Слушай. Ты должна приложить максимум усилий, чтобы ему понравиться. Ну, пироги там, что ли, каждый день печь, или ещё что-нибудь. Короче, ты сама знаешь. Я верю, у тебя получится.

– Кому понравиться, супостату этому? – Дашка разочарованно скривила губы. – Ну вы даете, Сергей Николаич! А еще интеллигентный человек. Как же я могу вас так задешево продать?

Дашка насупилась. Но Серёня, ласково улыбаясь, развеял ее сомнения.

– Ты не поняла. Мне надо, чтобы ты в доме оставалась как можно дольше.

– А зачем это, Сергей Николаич, дом-то теперь не ваш, чужой. – Дашка по-прежнему смотрела на Серёню с каким-то детским сомнением в глазах.

Серёня только вздохнул, внутренне набираясь терпения, как перед медитацией.

– Понимаешь, это просто ошибка, путаница. Дом по-прежнему мой, но в нем временно живет чужой человек. Поняла?

– Не-а.

– Ну, мне просто нужен свой человек в доме, чтобы я мог

знать, что там происходит.

– А-а-а-! Поняла. Это как Штирлиц в стане врага, – заулыбалась Дашка.

– Ну, примерно так, – согласился Серёня, облегченно выдохнув.

– Хорошо, Сергей Николаич. Вы меня знаете. Я его пирогами закормлю. – Теперь Дашкин шпионско-детективный энтузиазм пер через край.

– Только не переусердствуй. А то сейчас всякие диеты в моде. Может уволить за испорченную фигуру, – с улыбкой сказал Серёня. – Ладно. Справишься. А теперь дуй назад, а то тебя уже давно нет. Встречаться мы с тобой будем так же, как сегодня. Ты ведь мусор всегда в это время выносишь?

– Так точно, шеф, – пискнула Дашка и покраснела от счастья.

– Ну, вот и хорошо. Если ты мне понадобишься, я здесь в кустах буду сидеть, а ты когда мусор выносишь, будь начеку.

– А когда вы в следующий раз придете? – поинтересовалась Дашка. Серёня вздохнул:

– Это сложный вопрос. Посмотрим по обстановке. Но ты всегда будь начеку, и смотри, чтоб не выгнали. Ты мне очень нужна. Когда я снова вернусь домой, жалованье тебе вдвое увеличу. Твои односельчане обзавидуются. Иди.

Дашка подхватила ведро и вприпрыжку побежала к дому. Серёня ещё минуту постоял, глядя ей вслед, и медленно побрел в сторону остановки маршрутных такси.

Глава 9

Возвращаясь в Москву, Серёня со всех сторон обдумывал свое нынешнее положение, и получалось, что пути назад у него нет. Смерти он не боялся, но глупо погибать во цвете лет – это в его ближайшие планы не входило.

По всем параметрам картина вырисовывалась следующая. Некто, кого он не знал, а, скорее всего, тот самый всемогущий тип, который и выпер Серёню из его прошлой сытой и богатой жизни, зачем-то (зачем? – еще предстоит выяснить) завладел: первое – его, Серёниным, бизнесом, второе – его, Серёниным, домом. Но это были вещи очевидные, и, чтобы это узнать, совсем не стоило переться в такую даль на раздолбанной маршрутке.

А переться в такую даль стоило совсем из-за других вещей. Самое главное – теперь Сереня знал, кто засел в его доме. Это был его двойник. А вот из этого факта уже можно было сделать далеко идущие выводы.

«Если этот человек как две капли похож на меня, – рассуждал Серёня, – это может означать только одну простую вещь – меня просто подменили. А что это им дает? А дает это им очень многое. Во-первых, никакой возни с документами. Словно бы никто и не пропал. Никаких заявлений в милицию, никаких поисков пропавшего человека. Ни-че-го. Удобно! И в офисе сменить-то нужно всего двоих людей –

мою личную секретаршу и моего бухгалтера. Шоферы не в счет – они и сами, как перчатки, меняются каждые три месяца. Остальная контора может вполне эффективно функционировать и без меня. Вернее, со мной, но, к примеру, в «телефонном режиме». Сделки и переговоры могут проводить, якобы, мои «доверенные люди», а ввести их в этот бизнес – это дело двух-трех месяцев. К их новым лицам постепенно привыкнут, и все «тип-топ». Я, то есть, тот я, который сейчас на моем месте, может появляться как «свадебный генерал» только на решающих раундах для подписания чего-то там важного. И то ненадолго, если они задумают перепродать кому-то мою контору. Стоп! А ведь верно! Зачем им нужен я, вернее, тот, который не я? Можно просто перепродать все мое имущество кому-нибудь более подходящему или выгодному. А можно и не продавать, попридержать до лучших времен. Есть разные варианты. Но почему именно я? – Серёня никак не мог найти ответ на этот вопрос. И вдруг его осенило, словно Архимеда в душе: – Все же предельно просто. Я же сам давно ответил на этот вопрос. Двойник! Именно мой, а не чей-то еще. Вот почему они забрали именно мою контору! Вот и ответ. Гениально! – Серёня с досады крикнул. – Это что, такой новый вид бизнеса, что ли? Идея не новая, но очень находчиво. Эдакое «рейдерство» с элементами литературной фантазии. С кандибобером. «Принц и нищий», блин!» – Серёня вновь было начал закипать, но сразу же остановился. Тренированный на стрессы мозг те-

перь аккуратно и быстро окружал «ситуацию» правильными мыслями. «Принц и нищий? – теперь он просто усмехнулся. – Только кто из нас сейчас кто – вот вопрос, – Серёнина усмешка была невеселой, но это было лучше, чем отравляющее душу уныние. – Так, с конторой более-менее понятно. Теперь с домом. А что с домом? Тут еще проще! Родственников у меня нет. Дашка – не в счет. Да, она же сказала, что какую-то тетку к ней приставили. Шпионить. А ну-ка еще раз все по-порядку. Хозяин – я то есть – в наличии. Вон, лежу дома, книжки читаю. И если даже допустить, что домработница что-то кому-то расскажет, то это никому не будет интересно. А с домработницы какой спрос? Дура-баба деревенская. Может и напутать чего. Да и кто ее слушать будет! – Серёня даже присвистнул от своих, теперь окончательно сложившихся в стройную систему, рассуждений. – Интересная картина получается. Ловко! Только я о таком варианте еще не слышал. «А я повидал всякого», как говорил один известный юморист. Все тихо, без пыли и шума. Им, конечно, повезло, что я такой одинокий – ни детей, ни плетей. Как там этот «шкаф» говорил – просто нужна была подставная фирма, ничего личного. Ладно, товарищи, «один – ноль» в вашу пользу. Только мы еще посмотрим кто кого. Я ведь очень терпеливый, я подожду».

С такими мыслями Серёня трясся в маршрутке, которая везла его назад в Москву. Он не был трусом, но и совать голову в пекло считал делом глупым и бесперспективным. Тер-

тение – замечательное качество, и это качество не раз выручало Серёню в его нелегкой бизнес-жизни. А то, что ему сейчас угрожают очень могущественные силы, Серёня понимал безо всяких дополнительных намеков.

Наконец он принял решение. «А, черт с ним, с бизнесом. Раз нельзя ничего сделать прямо сейчас, то надо эту партию отложить и заняться чем-нибудь другим. А там, глядишь, наступит время и для ранее отложенных партий. Так сказать, время разбрасывать камни. А пока мы эти самые камни будем собирать».

Маршрутка привезла его к знакомой станции метрополитена, и Серёня вдруг решил заняться тем, чем не занимался много-много лет – вволю покататься на метро. Сказано – сделано. Особо торопиться было некуда и он, погружаясь в свое полузабытое детское желание, вошел в высокий вестибюль. Знакомый запах резины и ещё чего-то механического и железного приятно пощекотал нос. Грохот приближавшегося поезда, треньканье звуковых сигналов, мерное покачивание вагона – чем не приключение? Свободного времени – сколько душе угодно, и Серёне впервые за много-много лет захотелось по-настоящему расслабиться. Развалившись на кожаном сидении, разглядывал он мелькавшие за окном станции. «Ух, ты, сколько понастроили. А я и не знал. За этим бизнесом вся жизнь мимо проходит, – думал он. – Красиво, черт побери!»

Серёня наблюдал, как нескончаемый поток людей толстой

многоглавой змеей вползает и выползает из вагона. Люди были озабоченные, хмурые, и все, как заведенные, неслись куда-то без остановки по только им одним известной траектории. Улыбки случались редко, в виде исключения.

«Куда спешим? Зачем? Что такого важного в этой беготне? – думал он, разглядывая окружавших его людей. – И, ведь, остановиться некогда. А меня вот остановили – и ничего, планета с орбиты не сошла. Живу и солнышку радуюсь. Подумать только, сколько всякой всячины люди придумывают, чтобы лишить себя нормальной жизни! Этот бешеный ритм отбирает у нас саму жизнь, подменяя её суетой и проблемами. И копим мы их, копим, а они затягивают. Болото натуральное! А если разобраться, проблем вообще никаких нет. Мы их сам себе выдумываем. И из-за этой ерунды некогда просто так по улице прогуляться. Подумать страшно – даже к морю отдыхать я не с девушкой какой-нибудь, а с деловыми партнерами ездил! Заработался, забыл, что жизнь на свете есть. Вот меня и вразумили – пора тебе, Серёня, отдохнуть. – Ему на ум снова пришли слова древнего философа: «Время разбрасывать камни и время собирать камни», – и он поразился, как-будто услышал их в первый раз. – Какой народ грамотный был! Жили же черт знает когда, а всё понимали. Вот и я буду сейчас отдыхать на всю катушку. Все нормально, никаких трагедий. Наоборот, перемены в жизни – в этом что-то есть! Годами в пыльной конторе сидел, бумажки обнюхивал».

Под свои мысли и мерное покачивание вагона Серёня слегка задремал. Его разбудил шум в глубине вагона.

– Ты бы место-то уступил, а то расселся, как барин. Никакого уважения к старикам. Распустились! – Толстая дама в кокетливой лиловой шляпке насканивала на молодого человека, с растерянным видом сидевшего посреди вагона на обыкновенном кухонном табурете. Ножки табурета были упакованы в серую бумагу и обвязаны шпагатом. По всей видимости, молодой человек только что приобрел эту кухонную мебель для личного пользования и вёз её в родную малогабаритную квартиру. Но, по причине всегдашней переполненности московского транспорта, мест для пенсионеров и инвалидов хватало далеко не всем, и юноша решил использовать мебель по прямому назначению. Он уселся на табурет посреди вагона и ничего бы страшного не произошло, если бы не заметила его маневры некая непоседливая дамочка в вызывающей лиловой шляпке. Возраст её прямо указывал, что женщина помнит и украшенное пионерскими кострами детство, и комсомольскую юность, и все стройки несостоявшегося коммунизма.

Дама, приученная прежним режимом к справедливой мысли, что «старость надо уважать!», применила на практике этот замечательный советский лозунг. Она насканивала на парня, кроя его почему зря. Но парень оказался строптивым, и уступать свою законную табуретку не хотел ни в какую. Назревал грандиозный скандал, и лица у некоторых

пассажиров приобрели заинтересованное выражение, свойственное заядлым театралам на премьере модного спектакля. Мнения по поводу табуретки разделились: одна половина вагона поддерживала гражданочку. Вторая, более продвинутая в рыночных отношениях, встала на защиту частной собственности. Сочности выражений обзавидовался бы даже великий режиссер Станиславский. Но дело, как всегда, закончилось политикой. Зрители-театралы заметно поскуцнели. Демократы, забыв про табуретку, крыли отборным матом коммунистов. Те не оставались в долгу. Страсти разгорелись нешуточные, куда там Хичкокам и Спилбергам! Одна разъяренная пенсионерка, вспомнив о предмете спора, все же попыталась согнать незадачливого владельца табуретки с насиженного места. Но поезд вовремя остановился на очередной станции, и паренек пулей вылетел на платформу, волоча за собой злополучную табуретку.

Серёня тоже не стал дожидаться окончания этого спектакля. Отметив для себя, что посещение театра теперь не обязательно, достаточно проехать в общественном транспорте несколько остановок и – алле-оп! – пожалуйста, сюжет для нового телесериала, – Серёня протиснулся к выходу. Когда он выходил из вагона, граждане, не замечая исчезновения ни парня, ни табуретки, орали так, что уши закладывало. Скандальный вагон, раздираемый политическими противоречиями, тронулся и исчез в черной трубе тоннеля.

Больше ничего интересного не случилось. Вдоволь нака-

тавшись и насмотревшись до одури на рукотворные подземные красоты, Серёня проголодался. Взглянув на оставшийся от прошлой жизни навороченный швейцарский «Ланжин», он понял, что пропустил не только время завтрака, но даже и время обеда. Исправлять это упущение Серёня отправился во вчерашнее кафе, где официанты уже стали его узнавать. Истратив на обед ровно столько, сколько может себе позволить разумный безденежный человек, Серёня вдруг подумал о своих новых «подмостовых» знакомых. «Надо бы народу приятное сделать», – решил он, шагая в сторону ближайшего магазина. Нагрузившись консервами и тортом, Серёня с удовольствием подумал, что сегодняшний день прошел не зря.

Солнце начинало садиться, когда он подходил к своему новому месту жительства. «Дома» были только Филиппыч и бабка Маланья. Увидев гостинцы, бабка Маланья ничуть не удивилась:

– Хорошего человека за версту видать, – сказала она, разжигая костер под «козлюнчиком».

Скоро вечерние тени легли на траву, и с работы потянулись остальные обитатели «подмостовья». Зойка принесла большой пакет с овощами и зеленью, а Мария четыре буханки хлеба. Малолетний Колька после вчерашней выходки ещё домой не являлся. Но Мария за него не беспокоилась.

– Хуже все равно быть уже не может. А так, он хотя бы за себя постоять научится, – обронила она на вопрос бабки Маланьи про её сыночка. Тему закрыли. Женщины заня-

лись приготовлением ужина, и обычный домашний кухонный разговор плавно потек под мостом. Сереня присел рядом на корточки и стал слушать.

Бабка Маланья с грустью рассказывала про свою идиотку-дочь.

– Когда она в институте училась, я ей письма присылала. А она потом мне эти письма возвращала назад с исправленными ошибками. Представляете? Я тогда только удивлялась. Нет бы мне тревогу забить. Э-хе-хе, разве я могла предположить, чем все это закончится. – Бабка помешивала в котелке кипящий ужин. Зойка сидела рядом, немного приоткрыв рот, и слушала. Мария, порезав хлеб, тоже примостилась около костра. Ей, может быть, и хотелось о чем-то рассказать, но она, как большинство людей её профессии, чувствовала себя уверенно только перед одной аудиторией – школьной. Перед любой другой она терялась. Да и что она могла рассказать этим людям? О том, как она замечательно учила детей читать и писать? Кому это здесь было интересно? А практических жизненных советов от неё и вовсе никто не ждал. Что толкового может посоветовать учитель, живущий под мостом?

На учителей часто возлагают большие надежды, а они не всегда их оправдывают, они – такие же обыкновенные люди, как и все. И не стоит себя обманывать: настоящий учитель – это редкий исчезающий вид. Где же то безграничное терпение и усердие, которого требует невинная детская душа?

Нет сейчас этого терпения, и ни в одном институте его не преподают. Хорошо ещё, если писать без ошибок научат. Но и это сейчас почти невозможно.

Обычно, после института, после разгульно-необременительного студенчества, юный педагог, как и любой вчерашний студент, всегда начинает другую жизнь. Некогда учителю развивать свой кругозор и реализовывать потенциал, крутится он, как белка в колесе, разрываясь между неустроенным бытом и школьными заботами. И затягивает его эта жизнь, словно болото. Тонет понемногу в том болоте юношеский энтузиазм, а на поверхности остаётся только злость от собственной дурацкой неустроенности. И редко кто может этой злости противостоять. Устоит человек – значит, он и есть настоящий учитель! А если человек эту злость наружу выпустит, то лучше и не думать, какой результат получится.

Мария в последнее время часто размышляла о своем прошлом и будущем и чувствовала себя последней идиоткой: нехорошо ведь, когда у человека, который должен чему-то научить других, у самого в этой жизни одни провалы и полная неизвестность.

Серёня подвинулся поближе к огню и спросил:

– Товарищи-граждане, а как вы себе мыслите зимовку под этим мостом? – Ответом ему была гробовая тишина, и Серёня понял, что зимовать под мостом никому из этой кампании ещё не приходилось. И даже думать пока об этом не хотелось – страшно!

– Понятно, – пробормотал Сереня и решил все свои распросы отложить «на потом». Деланно веселым голосом он сказал: – А у нас сегодня на ужин полагается десерт – торт! – Компания оживилась и повеселела. Решили дождаться «Профессора» – что-то он припозднился – сегодня в церкви был большой праздник, и «Профессор» задерживался в надежде получить кусок пожирнее: он зачастую был здесь основным кормильцем, поскольку церковь всегда кормила сирых и убогих.

В костерок подбросили дров, и разговор снова ожил. Бабка Маланья на поверку оказалась философом-любителем, чисто Сократ в юбке, и Серёня в очередной раз подивился её здравому уму и умению разложить любую ситуацию по полочкам. Бабка как бы невзначай, совершенно неназойливо выспросила у Серёни о его вчерашних приключениях и задумалась.

– От судьбы не уйдешь. Кому быть повешенным, тот не утонет, – вынесла она свой вердикт. – Значит, испытания тебе такие, мил человек. Вот Господь и посмотрит, чего ты стоишь. Если правда, что ты бизнесмен хороший – вернешь себе все сторицей. А если нет – не обессудь. На себя тогда пеняй. Вот, хочешь, я тебе случай один расскажу. Это все взаправду было, я точно знаю. Однажды вечером по дороге ехала машина. Так просто, по делам ехала. И в ней два человека сидели. Едут себе и едут. И вдруг, откуда ни возьмись – грузовик. Ба-бах! И ту машину в ключья! Один человек из тех

двоих немного пострадал, ну там поломало ему чего. А второй – нет. Целёхонёк. Вызвали скорую, всё как полагается. Погрузили раненого и поехали. Только за поворот повернули и тут снова – ба-бах! Навстречу мусоровоз ехал. Что он делал на той дороге в такой поздний час – бог весть! Только того раненого, который в скорой был – насмерть. Вот так-то. От судьбы не уйдешь.

Всем стало немного не по себе от бабкиного рассказа, и разговор снова затих. Ситуацию спас неизвестно откуда появившийся Профессор. Даже с первого взгляда было заметно, что он слегка подшофе. Но со второго взгляда было заметно, что совсем и не слегка. Профессор пребывал в прекраснейшем расположении духа. В руках у него был увесистый пакет, от которого исходил запах еды.

– Доброго здоровьичка, православные! Чем сегодня ужинаем? – немного заикаясь, бодро пропел Профессор. Не обращая внимания на этот риторический вопрос, бабка Маланья стала разливать по тарелкам вкусно пахнущую еду, и Профессору подала в первую очередь.

– На, мил человек, поешь-закуси. Ты сегодня за всех нас перед Господом помолился. За благое дело не грех и выпить. Давай, давай, закусывай. – Но Профессор отставил тарелку в сторону и стал вытаскивать из своего пакета вареные яйца, помидоры, картошку, четыре банки рыбных консервов, большой кулек с конфетами, другой – еще больше – с печеньем. Все это богатство он сложил у Маланьиных ног со сло-

вами:

– Вот, матушка-кормилица, это для всех. Сегодня добрые люди все это промеж страждущих безвозмездно раздавали. Может, грехи замаливают. А может и просто так, из милосердия. Нам-то, грешным, все равно. Дай им бог здоровья. – И Профессор размашисто, с чувством перекрестился. – Принимай, матушка, – обратился он к Маланье, – ты у нас лучше всех знаешь, что с этим делать. – И громко икнул. Маланья улыбнулась, погладила Профессора по голове, словно он был маленьким мальчиком, и сложила припасы назад в пакет.

– Это на завтра. Сегодня на ужин еды достаточно. Ешьте уже.

Вся компания дружно навалилась на ужин, а после сытного горячего варева, большой торт, поделенный на всех кухаркой-экономкой, казался верхом блаженства. Торт был похож на клумбу – весь в разноцветных розочках, и нежно пахнул ванилью. Бабка Маланья положила на чистую тарелку два куса торта и протянула Марии:

– Если сегодня Колька вернется, дашь ему. Пацану тоже сладенького хочется. Но смотри, коли до утра не придет, тогда сама съешь. А то ещё не дай бог отравится – срок хранения-то у торта не длинный. – Мария благодарно кивнула, и тут, словно чертик из табакерки, из кустов выскочил Колька. По торопливости, с которой он выхватил кусок торта из рук матери, стало ясно, что голодный мальчишка давно наблюдал за дружным ужином из соседних кустов.

– Куда грязными руками, – рявкнула на него бабушка Маланья. – А ну, бегом к речке, руки помой. – Колька шмыгнув носом, насупил, но торт вернул и к речке сходил. Ему налили густой похлебки, и только после того как он выцарапал со дна тарелки остатки еды, разрешили съесть редкую для Кольки сладость.

Серёня, хоть и не был моралистом, но все же решил уточнить, собирается ли пацан становиться на скользкий путь карманного воришки, или же вчерашнее происшествие с «профессорским» кошельком – это позорный, но одиночный факт в Колькиной биографии.

– Ты кошелек-то Профессору вернул? – спросил он ослонившего от сытной еды пацана.

– Не-а. Я матери его отдам. Она и вернет. Да я это не в серьёз, пошутил я. – Колька исподлобья глянул на Серёню. – А чё вы спрашиваете? Вам-то что? – Сереня начал было читать Кольке что-то вроде проповеди о смысле жизни, но по Колькиной равнодушной физиономии быстро сообразил, что ответов на свои философские вопросы ему, серьёзному дяде, от этого пацана не дожидаться. Колька молчал, ковыряя землю.

Сереня вдруг устыдился своей жалкой псевдовоспитательной речи и неожиданно для самого себя спросил:

– А учиться ты хочешь?

Колька встрепенулся:

– Конечно, хочу. Но как? Меня же даже в школу не берут.

У меня прописки нет. А у матери нет денег на взятку. – Серёня задумался. Постепенно в его голове зрел план, про который до поры до времени он не хотел говорить вслух даже самому себе. Окончательно поняв за эти два дня, что дороги назад нет, Серёня совершенно не растерялся. Он вспомнил, как Дашка рассказывала ему про свою деревеньку. То ли Прудово, то ли Запрудово. Она хвасталась, какие у них там места медовые. Серёня ещё не вполне сформировал в голове новые жизненные цели и задачи, но одно он знал наверняка – сам он в этой жизни ни за что не пропадет. Да вот и команда у него теперь вырисовывалась. А чем не коллеги по бизнесу? Люди все как на подбор, порядочные, образованные. Кроме Зойки, конечно. У той кроме школы-семилетки за плечами больше ничего не было. Но Зойка торговать умеет, так что и её помощь на что-то сгодится.

Расспросы о житье-бытье этих людей из «подмостовья» он решил не возобновлять. И хорошо, что он их вообще почти не начинал. Серёня это понял только сейчас. И еще он понял одну простую вещь – эти люди попали сюда волею жестких обстоятельств. Поэтому-то и цеплялся каждый из них хоть за какую-то работу. Привычка трудиться и зарабатывать себе на хлеб еще не угасла в каждом из них. Но стоит им пожить на улице подольше, стоит совсем потерять веру в себя, тут-то и кончатся они все, кончатся как люди. И превратятся в профессиональных бомжей. А тем работа не нужна. У них романтика – это безделье и пьянка.

А эти потому и сбились в стайку, что так им было легче выживать. Но насколько хватит терпения и стойкости у этих побитых жизнью людей – Бог весть.

И Серёня принял решение. Оно нелегко ему далось, поскольку еще никогда в жизни не приходилось ему отвечать за такой «коллектив». Но иного выхода у него не было. Он от природы был порядочным человеком, и это качество очень успешно уживалось в нем с недюжинной деловой хваткой.

Серёня пока никого в свои планы не посвящал. Во-первых, чтобы понапрасну не обнадеживать, в общем-то, неплохих людей. И, во-вторых, он твердо знал – если твое дело еще не на мази, нечего зря языком чесать. Вдруг что-нибудь не так пойдет, тогда очень неприятно будет от других выслушивать, какое ты трепло. Но, ложась спать, он улыбался – конец всем сомнениям, и вперед, к новой жизни!

Глава 10

Утро действительно оказалось гораздо «мудренее» вечера. Ментовская облава налетела спозаранку, как водится, безо всякого приглашения. Заспанный народ похватали, и, засунув в заплеванный воронок, повезли разбираться. Разбирались недолго – проверка документов, пара вопросов и всё. Выяснив, что народ практически безденежный, каждый по очереди получал от представителей власти не очень сильный пендель под зад – катись к себе под мост. Видно, менты поиздержались на вчерашнем православном празднике, и теперь поправляли свои дела за счет городских нищих, среди которых, как известно, и подпольные миллионеры водятся. Серёню, как ни странно, сильно трясти не стали. Видно, костюмчик от дорогого кутюрье еще не совсем поистрепался, вот и подумали, наверное, что богатый дядька с жиру бесится, а может, спяну под мост за экзотикой полез – их ведь, богатых, не поймешь! Да и с документами у Серёни все было в порядке – эх, знали бы менты, какой это «порядок»! Дорогушие часы никто из проверяющих, к счастью, не заметил, а то – как знать? – прости-прощай осколок прошлой жизни. Серёня решил приберечь часы на черный день – мало ли, куда судьба повернется.

К полудню вся развеселая кампания снова собралась на прежнем, насиженном месте. Настроение было так себе. Без-

домные граждане совсем, было, привыкли к своему новому статусу и жилищу, и всячески гнали от себя мысли о том, что же будет дальше. Но утреннее происшествие дало понять насколько зыбким оказалось их мнимое счастье, и теперь каждый поневоле обдумывал свою судьбу. Это вносило очень неприятную ноту в их обычно веселый и сжившийся коллектив. Ситуацию спасла мудрая бабка Маланья. Быстро «сообразив» что-то на обед и беспрерывно балагуря, она умудрилась расшевелить приунывший было народ. После обеда, хоть и с опозданием, компания разбрелась по своим обычным делам. Серёня понял, что менты – это знак лично для него: «Если не начнешь действовать, будет только хуже». Два раза повторять ему не было необходимости. Вчера он «наотдыхался» досыта, словно в отпуске побывал, а то с этим бизнесом – какой отдых! Теперь его ждала хорошая работа. Прежде всего, нужно было снова смотаться к Дашке и выяснить, где же на самом деле находится эта её «медовая» деревня. Но сегодня про это можно было забыть – на часах глубокий полдень, а Дашка выносит мусор с утра. Поход за информацией решительно откладывался на завтра.

На сегодня у Серёни было намечено другое дельце. Его разлюбезная секретарша не могла вот так просто взять и пропасть бесследно. Все же, всякие там трудовые книжки и отделы кадров оставляли слабую надежду на встречу с ней в подворотне родного офиса. И Серёня решил попытать счастья – надо же было как-то разузнать, что творится в его бывшей

конторе. И здесь ему действительно крупно повезло. Именно в этот день новое начальство решило выдать Марине причитающиеся ей остатки гонорара, и девушка была вызвана в контору ровно на три часа дня. Не успел Серёня занять выжидательную позицию в намеченной им подворотне напротив офиса, как Марина, цокая тонюсенькими металлическими каблучками, проскакала мимо не верящего в неожиданную удачу Серёни «Ей богу, дуракам везет, – радостно подумал он, но тут же передумал. – Чего это я так себя обижаю... Подумаешь, мелкие неприятности. Я умный, выкручусь. Надо бы вспомнить какую-нибудь поговорку про умного. Ага, вот: «Если ты такой умный, то чего ты такой бедный» Не то!» Вспомнить что-нибудь ещё он не успел, потому что Марина сама засекала его в темной подворотне, и Серёне еще раз представился повод гордиться своими кадрами. Умная девушка Марина, вместо того, чтобы орать на всю улицу, как она рада видеть дорогого шефа, скромно проскользнула на противоположную сторону улицы, и, затолкав шефа в самый темный угол подворотни, не на шутку встревожила его бурными излияниями нежности. Поняв, что это просто выражение девичьей радости, он высвободился из её объятий и спросил:

– Ты знаешь, что произошло? – Марина от полноты чувств ещё не могла полноценно говорить, и только помотала головой. Серёня подождал, когда она придет в себя, и снова заговорил: – Марина, давай потом обсудим все детали моего

исчезновения, а сейчас я хочу знать, ты в курсе того, что там сейчас происходит, и кто туда вообще влез вместо меня?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.